

ДАНИЭЛЬ

АДОНИРАМ АБУТВУЛЬ

Адонирам Абутбуль

Даниэль

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62722687
Адонирам Абутбуль. Даниэль: Де'Либри; Москва; 2020
ISBN 9785449105738

Аннотация

«Я постиг, что в книге главное – не грамотность и не владение словом, а то, что между строк. То, что скрепляет слова, вдыхает в них душу, возжигает в них пламя жизни, раскрашивает красками остроумия, жизнелюбия, слезами грусти и радости. Эта душа струится между строк. Она пропитана любовью, которая и есть суть человеческого «я». В своей книге автор тепло и с юмором рассказывает о своей семье и стране, о любви к русской женщине и делится впечатлениями о России. В книге перемежаются реальность и фантазии, воспоминания о детстве и мысли о важном. Его истории пропитаны искренностью и остроумием. Адонираму Абутбулю 55 лет. Родился в Иерусалиме, в разводе, отец четверых детей, владелец агентства недвижимости. Это его первая книга.

Содержание

Информация от издательства	4
От автора	6
Предисловие	8
Школа Йешурун	13
ГЛАВА 1. Осколки	13
ГЛАВА 2. «Поток, набирающий силу»	22
ГЛАВА 3. «Здравствуй, первый класс»	26
ГЛАВА 4. «Душа»	31
ГЛАВА 5. «Как бы»	39
ГЛАВА 6. Затишье перед бурей	46
ГЛАВА 7. «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?»	54
ГЛАВА 8. Чудеса	61
ГЛАВА 9. Доброе имя лучше хорошего масла	68
ГЛАВА 10. «Первый взгляд»	75
Женщины, женщины...	85
ГЛАВА 11. Древо познания	85
ГЛАВА 12. Приятных снов	93
ГЛАВА 13. Тишина	100
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Адомирам Абутбуль

«ДАНИЭЛЬ»

Информация от издательства

УДК 82-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

A17

Адомирам Абутбуль

Даниэль / Адомирам Абутбуль; пер. А. Шеко. – М.: Де'Либри, 2020.

ISBN 978-5-4491-0573-8

«Я постиг, что в книге главное – не грамотность и не владение словом, а то, что между строк. То, что скрепляет слова, вдыхает в них душу, возжигает в них пламя жизни, раскрашивает красками остроумия, жизнелюбия, слезами грусти и радости. Эта душа струится между строк. Она пропитана любовью, которая и есть суть человеческого «я».

В своей книге автор тепло и с юмором рассказывает о своей семье и стране, о любви к русской женщине и делится впечатлениями о России. В книге перемежаются реальность и фантазии, воспоминания о детстве и мысли о важном. Его истории пропитаны искренностью и остроумием.

Адонираму Абутбулю 55 лет. Родился в Иерусалиме, в разводе, отец четверых детей, владелец агентства недвижимости. Это его первая книга.

© Адонирам Абутбуль, текст, 2020

© Алёна Шеко, перевод, 2020

© Де'Либри, издание, оформление, 2020

От автора

Хотел бы без громких слов поздравить тебя с посадкой в экспресс жизни, отправляющийся в путешествие по времени и человеческим душам, в глубины моего сердца. Я расскажу иную историю – про свой класс, свою семью, и свою страну – Израиль – расскажу искренне и с юмором.

Бывают минуты, когда Господь касается тебя Своим перстом. И тогда вспыхивает искра, разгорается пламя и снисходит на тебя вдохновение. Так было в те дни, когда я написал всю книгу на одном дыхании, не в силах остановиться и практически не контролируя процесс. Текст буквально лился из меня.

Это путешествие началось без четкого плана и соблюдения правил литературного письма. Это новая литература. Я бы даже сказал, новаторская. Но и она имеет право на жизнь среди всех книг, когда-либо трогавших сердце читателя.

Я накрою вам эту книгу, как швейцарский стол. Пусть каждый ест, как ему нравится: как цельное произведение или по частям, где каждая часть – самостоятельное произведение. Все ради любви, творчества и удовольствия.

Ответ на вопрос, почему книга называется «Даниэль», вы найдете в последней главе.

Приятного прочтения и счастливого пути.

Предисловие

Суббота, середина мая 2018. На улице чудесный, дождливый день, что не свойственно для теплого времени года. Дождь стучит по асфальту, сопровождаемый гулом прекрасных фонтанов, что по вечерам подсвечиваются разноцветными огнями. Это городской сквер Ришон-ле-Циона, города в центре Израиля, на берегу Средиземного моря.

Гул фонтанов напоминает шум водопада, когда нескончаемый поток воды с силой бьет по гладкой, твердой скале. Тысячи лет бьет она по этой скале, но не в силах сдвинуть ее хотя бы на миллиметр. Поток воды только заставил ее стать более мудрой, более гладкой, мощной и упрямой.

Ведь все, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Я развалился в кровати полусидя-полулежа. Две подушки у меня за спиной. И я пытаюсь впервые писать в ноутбуке после того, как четыре месяца назад начал писать свою книгу в мессенджере. Сначала для одноклассников, потом для семьи и друзей...

А тем временем Моше, сосед по квартире, и вот уже 30 лет мой близкий друг, подносит мне гренки, пироги и напитки каждые несколько минут. Сначала я вежливо отказываюсь. А потом беру и заглатываю все разом, не оставив и следа. Я бы и не вспомнил о том, что они у меня в желудке, если бы не предательские крошки, усеявшие постель, забившиеся

между кнопками клавиатуры и усыпавшие всего меня.

Писать книгу в мессенджере, несмотря на все издержки – особое удовольствие. Ты словно рассказываешь свою историю сидящим прямо перед тобой лицом к лицу. И возникает чувство, что они внимательно слушают: смеются, всхлипывают и плачут то от грусти, то от смеха, волнуются. И даже участвуют в процессе – поправляют и подкидывают идеи.

В конце прошлого года я расстался со своей девушкой-москвичкой – Олесей. С тех пор я ее больше не видел. Красавица, невообразимо женственная и преданная, умная и просто сводящая с ума. Три с половиной года страстной любви, головокружительных взлетов ввысь и падений на самое дно. Такое не забывается. Дивные воспоминания и минуты незабываемого счастья, которые начались с короткого «Привет» на русском сайте знакомств и имели продолжение в гостиничном номере в Шарм-Эль-Шейхе на Синае, на берегу Красного моря. Там я впервые познал ее – ее чистый храм и потаенные сокровища.

Виртуальная любовь, что зародилась в интернете, преодолела все опасности, подстерегающие израильтянина на Синае. Там я впервые встретился с ней.

С первым объятием я вдохнул ее духи и душу, и она поселилась у меня в сердце.

С того дня она живет, дышит и течет у меня в крови, словно неотделимая часть меня самого.

Любовь – самое чистое и возвышенное чувство на земле.

Она обладает мощнейшей, неиссякаемой силой. Бок о бок с ней идут преданность, страсть, тоска, нежность и еще целый букет чувств. Стремление быть рядом с любимым человеком способно смести все преграды.

Время, расстояние, болезни, разность языков и менталитета отходят на второй план.

А любви и не нужны слова. Язык у влюбленных свой, собственный, и понимают его только они.

Ничто не придает мужчине большей уверенности, чем любящая женщина, с преданной нежностью вверяющая тебе свою жизнь. Она твоя и только твоя. Другой, способной подарить такое чувство неземного счастья, кроме этой девушки с московской улицы Паршина, я не встречал.

Когда раздается звон колоколов и с небес на тебя обрушивается любовь, душа, тело и мечты сливаются воедино и превращаются в одну могучую сущность. Ты нашел свою родственную душу, и уже ничто не сможет встать у вас на пути. «Ибо крепка, как смерть, любовь. Люта, как преисподняя, ревность. Стрелы ее – стрелы огненные. Она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее». («Песнь песней»).

Любовь нужно беречь. Она хрупка, с ней надо осторожно. Чиста она, как источник хрустальной воды в сердце пустыни. Но не все так гладко. Как и всего остального в жизни, любви не добьешься силой. Проявишь грубость – выйдут на поверхность подводные течения. И вода превратится в грязь.

ную, мутную и непригодную для питья. Нет ничего горше, чем чувство, когда тебя отталкивает любимая женщина. То, что в начале отношений, когда мы были ослеплены любовью, очаровывало нас, вдруг оказывается подводными камнями, принесенными из прошлого. К ним добавляются камни, накопленные во время отношений. И их надо собирать и отбрасывать.

Мы – люди. Мы все ошибались, ошибаемся и будем ошибаться. Но есть еще прощение и искупление.

Любовь ранима. Она легка, но остра, как ничто другое. Она подчиняется только своим желаниям. И если она есть, то одни подводные камни уйдут на дно, другие – исчезнут. Вода опять станет кристально-чистой, и любовь снова поднимет голову над водой. И она победит. И будет побеждать всегда.

10 января 2018, спустя ровно месяц со дня расставания с любимой, за пять дней до 54-го дня рождения и ровно через 44 года после расставания с одноклассниками, которых я так любил, о которых думал каждый день и которых мне так не хватало, я получил сообщение от Иланы Шитрит, с которой проучился пять лет в религиозной школе «Йешурун» в моем родном Ашкелоне. Она надеялась на будущую встречу выпускников. До сих пор не понимаю, зачем отец перевел меня в другую школу. Именно там я потерял себя, и начались мои бесконечные скитания по разным школам и учреждениям.

Разрыв с возлюбленной и возрождение класса стали сквозняком в моей комнате, заполненной идеями и буквами.

Он вдохнул жизнь в миллионы букв, пробудил их. Вихрем взметнул ввысь и закружил в хороводе, чтобы они полюбовались друг на друга. Ему понравилось. Он соединял их, переворачивал, выплескивал из меня наружу, как бурлящий и пенящийся водопад, несущий свои воды из живого источника фраз, абзацев и реальных историй, большая часть которых – из семидесятых годов и моего воображения. И все слилось воедино в простой, скромной и необычной книге, которую вы держите в руках. В ней – простота и глубина жизни, в ней – душа человека и его любовь.

Я постиг, что в книге главное – не грамотность и не владение словом, а то, что между строк. То, что скрепляет слова, вдыхает в них душу, возжигает в них пламя жизни, раскрашивает красками юмора, жизнелюбия, слезами грусти и радости. Эта душа струится между строк. Она пропитана любовью, которая и есть суть человеческого «я».

Вспомнить и сохранить наши общие воспоминания для нынешних и будущих поколений... Нет лучшего способа сказать «спасибо» родителям, которых уже нет. Родителям, что подарили мне жизнь и вырастили. Я посвящаю эту книгу моей семье – братьям и сестрам, женам и детям, дядям и тетям, друзьям и знакомым, одноклассникам, всем, кого люблю, и вам, мои читатели.

«И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет».

Школа Йешурун

ГЛАВА 1. Осколки

Мои первые воспоминания – как осколки хрусталя, блестят в лучах пронзающего их солнца. В каждом осколке переливается радуга, и они озаряют все вокруг, как радужные фонарики.

Приятно познакомиться. Я Адонирам Моше Абутбуль. Адонирам – это имя. Моше – имя моего деда. Его прибавили к моему, когда он умер, а мне было три месяца. Нас было двенадцать братьев и сестер. Я – шестой. Девять братьев, три сестры, мама и папа, которые умерли десять лет назад с разницей в полтора года.

Сегодня 15 января 2018 года. Мой 54-й день рождения. Хочу рассказать немного о себе, чтобы вы узнали меня лучше, о моем первом воспоминании и о своем городе – Ришон-ле-Ционе.

«Ришон» на иврите – «первый». Отсюда название первого израильского города – Ришон-ле-Цион («первый на Сионе»). Это первое израильское поселение, созданное в далеком 1882 году, еще во времена власти Османской империи в Эрец-Исраэль, за 66 лет до возрождения Израиля как государства. Поселение-пионер. Так утверждают жители Ри-

шон-ле-Циона. А жители города Петах-Тиква утверждают, что первым был их город. Пустой спор, который добавляет красок и перчика в историю возрождения нашей страны. Толку от него никакого, но и вреда никакого.

Хаим Амзалег, еврейский торговец, приехавший из Марокко, жил в Яффо и служил заместителем британского консула в Эрец-Исраэль, а также возглавлял отделение альянса «Всемирный еврейский союз», приобрел на свое имя более 300 гектаров земли. Часть – на свои личные деньги, остальное – на деньги фонда. Он подписал бумаги о том, что все, что построят на этой территории, ему принадлежать не будет.

Там поселились «Палестинские пионеры» из первой волны репатриации. 14 религиозных девушек и ребят, бежавших из Харькова и Восточной Европы тех лет. Они бежали от погромов, получивших название «Южной бури», когда по всей царской России евреи истреблялись и преследовались.

Несмотря на запрет строить на открытых территориях, турецкие власти закрывали на это глаза, дабы не портить отношения с Хаимом, состоятельным заместителем британского консула, на имя которого были оформлены земли. Первые здания в Ришон-ле-Ционе строились с их молчаливого согласия. Так была возведена большая синагога, вырыт колодец, построены первые жилые дома и винодельня – в основном, на пожертвования барона Эдмонда Ротшильда. Здесь были заложены основы будущего процветания первого посе-

ления.

Винодельня, которую снабжали виноградом ближайшие виноградники, благодаря барону, его финансовым вливаниям, знаниям и профессионализму, процветала и обеспечивала людей работой. 136 лет спустя из этого маленького поселения и вырос нынешний Ришон-ле-Цион.

Ришон-ле-Цион – четвертый по численности город Израиля и насчитывает четверть миллиона жителей. Этот прекрасный город расположен на берегу Средиземного моря и граничит с Тель-Авивом, Холоном и Бат-Ямом.

Сегодня город хорошо развит. В нем множество развлечений и торговых и развлекательных центров, ресторанов, кинотеатров. Здесь находится «Суперленд» и обустроенный городской пляж.

Прекрасный, ухоженный город. Цветущий сад, пестрящий развлекательными парками, чистый и грамотно спланированный. Со всего Израиля сюда едут за покупками и развлечениями, и без преувеличения можно сказать, что наряду с Ашкелоном, это один из самых красивых городов в Израиле.

Сидя на балконе у себя дома, вглядываюсь в горизонт. На востоке, вдалеке, виднеются Иудейские горы и Иерусалим. Я живу в чудесном районе, в четырехкомнатной квартире на десятом этаже. Под окнами – красивейшая аллея, утопающая в пальмах и цветах. Вдоль всей аллеи – фонтаны и бассейны, обрамленные камнями и водопадами.

Каждый вечер фонтан подсвечивается сотней разноцветных огней, радующих глаз. Начало всей этой красоте положил Хаим Амзалег, богатый еврей из Марокко, затерявшийся где-то на страницах истории и учебников о первой волне репатриации. Страницах, обделенных вниманием, которые никто не открывает и не упоминает.

Школьная программа обходила его вниманием, чтобы, не дай Бог, не затмил своей колесницей барона Ротшильда и сэра Монтефиоре, что гостил у нас каждый раз, навещаясь в Израиль. Кстати, ни один из них не поселился в Израиле, в отличие от убежденного сиониста Хаима Амзалега или Авраама Шалоша. Они жили в обнесенном стеной Яффо и вместе со всеми добивались строительства района Неве-Цедек за стенами безопасного Яффо. Ныне это самый дорогой район в Израиле.

В 1887 году, как предрекал пророк Иеремия, «Я возвращу плен их... Да благословит тебя Господь, жилище правды, гора святая!».

Без злого умысла, Хаим Амзалег и Авраам Шалош, были забыты и сгинули в песках между Яффо и Тель-Авивом.

Я родился в Иерусалиме, в больнице «Бикур холим» 15 января 1964 года в 18: 40. Шестой ребенок в семье. Мама рассказывала, что в час моего рождения глянула в окно, а там – снежинки, белые и воздушные, как перья. Легкий ветерок подхватывал снежинку и забавлялся с ней, пока не уложит на подоконник, где белым полотном уже лежали другие,

чистые и нетронутые, как новорожденные младенцы.

Я пришел в мир крохотным малышом, закричал, возвещая о себе, и сделал первый вдох, втянув в себя кристально-чистый иерусалимский воздух и мамино молоко, пропитанное древними еврейскими корнями моего народа и далеких предков.

Мой отец, раввин, ждавший девочку, чтобы выполнить заповедь «плодитесь и размножайтесь», обратился к своему раввину. Раввин – благочестивый Реувен бен Давид, его учитель, которого он чтит еще в Марокко, мудрость и скромность которого так восхищали моего отца и фотография которого висела над папиной кроватью до того самого дня, когда он ушел в мир иной.

Папа обратился к равву с мольбой, прося Божьей помощи и содействия, чтобы Тот послал ему девочку. «Вот, пожалуйста, шестая попытка, и только мальчики рождаются у меня. Это, конечно, тоже хорошо. Я рад каждому ребенку, но прошу Господа, чтобы послал мне и девочек тоже». Раввин посоветовал ему переехать, и для пущей уверенности добавил: «Смена места приносит удачу».

Когда мне было восемь месяцев, мы переехали в старый район «Гимель» в Ашкелоне. Мы получили там две квартиры – одна на первом, а вторая на третьем этаже.

Прошел год, и как и сказал рав Реувен, смена места принесла удачу. Прилетел аист и принес мне младшую сестренку Илану. А еще через полтора года – вторую сестренку Офф-

ру. И детей в нашей семье стало восемь. А она все увеличивалась. Прибывали и мальчики, и девочки – аисты не знали покоя.

Теперь, когда мы познакомились, и поскольку у меня сегодня день рождения, позвольте мне расслабиться. Может, не сразу, но скоро я откроюсь и буду рассказывать вам все, что захочется. А пока, надеюсь, вам нравится читать мою историю, как мне нравится писать ее для вас.

Мое первое воспоминание относится к Шестидневной войне, когда мне было примерно три с половиной года. В доме напротив нас жил пожилой мужчина по имени Этель, тихий человек с железным протезом вместо руки. Протез заканчивался двумя железными крюками с заостренными концами, загнутыми наподобие пальцев. И мы, дети, боялись его и этой железной руки.

Разразилась Шестидневная война. Бои велись на нескольких фронтах, в том числе – с египтянами в городе Газе, находившемся в двенадцати километрах от южной границы Ашкелона. На второй или третий день войны снаряд разорвался на открытой местности вблизи моего района. Взрыв, грохот и сирены вызвали небывалую панику и суматоху. Все семьи, в том числе моя, бросились к ближайшим зданиям с убежищами. А меня забыли посреди пустой улицы, одинокого и плачущего. Я искал внезапно исчезнувших родителей, бегал, метался, растерянный и испуганный. Я не знал, куда бежать, где искать маму с папой.

И вдруг из ниоткуда передо мной появилась железная рука господина Этеля, и прозвучал его голос: «Идем, сынок. Я знаю, где твои родители». И я был так счастлив увидеть знакомое лицо, что немедленно ухватился за протянутую мне холодную железную руку, и от нее мне передались такое тепло и уверенность, что я почувствовал, как стучит сердце господина Этеля. И мы шли, рука в руку, пока он не передал меня родителям, которые уже обнаружили, что меня нет, и запаниковали. С того дня я чувствую, что стоит за каждой протянутой рукой. Протягивают ли мне руку с миром или для защиты; от всего сердца и по желанию или за неимением выбора; для отказа или просто потому, что нужно. Или для романтического прикосновения, полного страсти и любви.

Шестидневная война началась 5 июня 1967 года. Навязанная война, в которой коалиция из 11 арабских стран-соседей, во главе с Египтом, возглавляемым Гамалем Абдель Насером, Сирией и Иорданией, задалась целью уничтожить Израиль и «сбросить нас всех в море» – так они сами выражались, угрожая нам. Гигантская армия, снабженная лучшим оружием, тактическими рекомендациями и специалистами Советского Союза, стояла у наших границ, готовая развязать войну.

5 июня в 7: 45 утра почти весь израильский воздушный флот был поднят в воздух, атаковал аэропорты Египта, Сирии и Иордании и уничтожил большую часть вражеских воздушных сил. Наши самолеты разнесли их летные поля специ-

альными бомбами израильского производства, которые являлись израильским тайным оружием.

С той минуты Израиль воцарился в воздушном пространстве. За шесть дней сухопутные войска захватили у Египта Синай, у Сирии – Голанские высоты и часть Хермона, а у Иордании – Западный берег и Западный Иерусалим. Они были оттеснены к реке Иордан – нашей исторической границе с ними еще со времен Моисея.

Вместе с Иерусалимом была отвоевана и Стена Плача – главная святыня еврейского народа. И Стена Плача, и Храмовая гора наконец вернулись в наши надежные, любящие руки.

Война завершилась решительной победой, стремительной и невероятной. Она навсегда изменила соотношение сил между нами и нашими арабскими соседями, и заставила считаться с нами.

28 сентября 1970 года, скорбя и оплакивая поражение в войне, в возрасте слегка за 50, умер президент Египта Гамаль Абдель Насер. Его чтит весь арабский мир, он правил с 1954 по 1970 гг. и отмечал день рождения в один день со мной – 15 января. «Как ты красив!» – так поздравляют с днем рождения на арабском языке.

После его смерти мы, израильские дети, распевали: «Насер умер. Жена тоскует. Дети плачут. Евреи ликуют». И бежали искать осколки того самого снаряда, что во время войны три года назад разорвался в Ашкелоне. И даже нашли

несколько.

ГЛАВА 2. «Поток, набирающий силу»

Январь 2018. За окном дождливо, холодно и тихо. «Тик-так, тик-так...» – говорят часы. Каждый «тик» и «так» – одна секунда. Не успеешь подумать, что прошла секунда, как уже прошла вторая. А за ней еще одна. Каждый раз, как удается уловить одну секунду, я упускаю другую. И я начинаю их считать. Секунда, еще секунда...

Вот и минута прошла, а я и не заметил! И пока я считаю секунды и минуты, я забываю о часах, а с ними – о днях, неделях, месяцах и годах. Время ускользает. День прошедший уже не вернуть. Будущее надвигается и превращается в настоящее. Настоящее проходит и превращается в прошлое. А прошлое становится воспоминаниями, которые постепенно блекнут под толщей лет.

Часть стирается, часть теряет контекст. И остаются крохотные редкие осколки в пазле жизни. Но и они скоро станут историей, забудутся и канут в Лету. Вместе с нашими жизненными встрясками: армией, карьерой, учебой, званиями, чинами, деньгами, свадьбами и разводами, квартирами и ипотеками, воспитанием детей, уходом за родителями и возней с внуками.

Отзвеневшая и забытая всеми учениками «Йешурун», лежит в темном подвальном углу коробка с воспоминаниями, вся в пыли и паутине. А в ней у каждого – маленькая тайна,

о которой никто никогда не узнает.

В этой коробке еще один фрагмент пазла и волшебная лампа.

Того, кто ее ненароком потрет, вихрь времени в прошлое вмиг унесет. И во мгновение ока перенесется он на много лет назад. И ушедшее вернется, и прошедшее проснется. И станет реальностью. И будет набирать силу этот поток, когда каждый принесет и добавит свой кусочек пазла. Постепенно «Йешурун» собирается и складывается из кусочков прошлого, и пазл приобретает смутные очертания. Мы копаемся в коробке памяти, находим новые фрагменты, вставляем в картинку, пока наконец не появится чудесное, четкое черно-белое изображение – счастливые лица учеников первого класса школы «Йешурун» города Ашкелон.

Прошло больше сорока лет, и вдруг оказалось, что этой минуты ждали все. А больше всех ждал я, хоть и провел с ними лишь половину школьных лет. Не прошло и дня, чтобы я не вспомнил любимых одноклассников. Куда бы я ни поехал, я нес их в своем сердце, и как только получил сообщение, все воспоминания вмиг проснулись, словно только что закончились уроки, а завтра – новый учебный день.

Но Илана первой открыла колобку и повлекла всех за собой. И мы, взволнованные, последовали за ней. Вспоминали, пересылали фотографии, обменивались телефонами и адресами и говорили без умолку, словно только вчера попрощались.

И все хотели встретиться как можно раньше, чтобы восполнить образовавшийся в разлуке пробел. Заговорили о необходимости собраться как можно раньше. Ведь время не остановить – оно ускользает, извивается, просачивается сквозь пальцы. Время бежит и никого не ждет. Не прощает и не уступает. Есть только один способ удержать его на долю секунду – встреча и фотография.

И спустя более четырех десятков лет встретились ученики «Йешурун», правда чуть повзрослевшие. Но ненамного. Мы всегда останемся теми же детьми, которые передвигались исключительно бегом, визжали и раздавали друг другу тумачи направо и налево.

Пока мы помним, любим и пока любят нас, пока мы полны жизни, пока что-то даем другим и обществу – мы существуем. Мы кому-то нужны и молоды. Возраст – это всего лишь число, не более.

Мы, ученики «Йешурун», сплотились почти сразу. Обмен сообщениями, волнение и восторг по поводу очередного найденного одноклассника наполняли свежим ветром наши паруса. И эти паруса, надувшись, стремительно понесли нас вперед.

Воссоединение класса ударило нас, как гром среди ясного неба, и мы начали выскакивать, как свежие грибы после дождя. Принимали всех. Не было ни критики, ни конкуренции. Compliments, похвала, поддержка и любовь, на которые никто не скупился, были искренними и настоящими. Это сча-

стве приносило плоды, как долгожданный ливень. Раскрывались лепестки сердец, расцветали души и открывались границы для моих друзей, живущих за рубежом.

У меня ни осталось ни одной школьной фотографии. Все воспоминания были вырезаны, как в камне, в моем сердце. И мне, чьи воспоминания остры, как лезвие, а воображение ищет малейшего шанса, чтобы воспарить ввысь, оставалось только раскрыть объятия и собирать жемчужины, дождем сыпавшиеся с неба. Одной из этих прекрасных жемчужин оказалась наша общая фотография в первом классе. Ее сделал фотограф нашей школы, отец моей одноклассницы. Я смотрел на этот снимок, как вы сейчас. Смотрел с ностальгией и уже знал в душе, что она и станет поводом для следующего рассказа.

ГЛАВА 3. «Здравствуй, первый класс»

На фото: первый класс

Как кучка матросов, на паруснике с парой весел, отправляемся мы, ученики «Йешурун», в море детских воспоминаний.

Навстречу волнам, дружно и ритмично налегая на весла, мы развернулись и вышли на просторы могучего, бурного и сплоченного моря прошлого нашего класса.

Отважно отринув сомнения, полные энтузиазма, плыли мы навстречу буре. Наполнив ветром паруса школы «Йешурун», мы отправляемся в прошлое.

Наше совместное плавание начиналось без Колумбов и первопроходцев. Мы гребем радостно, искренне и открыто к нашим детским воспоминаниям.

Вот на чудной фотографии первого класса маленькие ученики, лица которых мягки и нежны, как щенячий пушок.

Там, на фотографии, рядом со мной, Цион Шем-Тов с его вечным бунтарством. Цион – король воришек, и надо сказать в его пользу, сладостей нам всегда хватало. Ты вмиг исчезал, и все сразу бросались тебя искать. И ждали – как те старушки, которым ты великодушно предлагал донести корзину и которые до сих пор ждут своего дон Кихота и свои кабачки, и все еще верят в твою добропорядочность.

Хорошо помню Гиля, учителя физкультуры, который просто начертил две линии – 100 и 200 м и сказал: «На старт!». Тогда-то в нас пробудился дух соперничества: кто быстрее, кто лучше? Там, в спортивном зале, мы учились играть в футбол, волейбол и в дворовые игры.

Учитель Ной. Учитель сельского хозяйства и его зеленый сад с полезными овощами: морковь, зеленым луком, салатом и капустой. Каждый день мы выглядывали из окна класса. А как мы ждали ростков, выпалывали сорняки, поливали, окучивали! Постепенно ростки подрастали и превращались в саженцы. По весне помидоры и огурцы давали всходы, а летом мы снимали щедрый урожай невиданной красоты и небывалых размеров.

Интересно, куда исчезали, куда увозились так преданно

выращенные овощи? Мы их так и не попробовали. Может, случайно попадали к учителям? Может, к директору Эфраиму или завучу Бен Шахару? А нас кормили сказкой про «Репку». И уж если не попробовать, то хотя бы помечтать о гигантской репке, которую все мы – ученики, учителя и дирекция, тянем под ритмичные выкрики Ноя, учителя-агронома.

Помню и учительницу естествознания в обнимку со скелетом, который она таскала из класса в класс. Человек давно умер и мечтал почить с миром, а мы все рылись в его костях, не давая ему упокоиться. И, наверное, до сих пор другие ученики изучают что-то по его костям, лишая вечного сна. А скелет все ждет, что вознесется душа его, и по нему прочитают ашкаву и кадиш.

Мастерская, где трудились девочки под присмотром учительницы труда. А мы, мальчишки, как ни старались ваять, ничего у нас не получалось. И подавленные, потупив взоры, предъявляли мы свои развалины.

Мы любили поездки на природу, когда приходила весна и из-под земли проглядывали первые ростки. Смоковница лелеяла источавшие ароматы незрелые плоды, благоухал цветущий крестовник. А каким пьянящим был запах апельсиновых бутонов! Как восхитительны были розовато-белые цветы миндаля! И мы, мальчишки и девчонки, распевали хором: «Как зацвел миндаль на опушке, а у Хаима лысая макушка!»

Да, мы были пророками. С тех пор многие из нас облысели, у остальных – волосы припорошило сединой. Но не сломлен наш дух и не поредели наши ряды. Как на снимке первого класса, стоим мы в несколько рядов, а учительница – прекрасная Элишева с сияющим, гордым взглядом, демонстрирует выводок своих питомцев, моля, чтобы хоть на миг время остановилось и зависло в этом волшебном кадре, где мы еще не успели повзрослеть и превратиться в зрелых львов и львиц.

Потом жизнь закружила нас в водовороте времени. И чем старше мы становимся, тем короче кажутся нам годы, месяцы, недели и дни. Чем дальше, тем больше меняется соотношение длительности года и жизни. Тогда год казался нам вечностью. А сегодня – не успеешь опомниться, как год внезапно заканчивается, не успев начаться.

Мы выросли, раздобрели, растолстели. И, вопреки Танаху, «разжирел Йешурун и не толкался».

Я помню первый день в школе, словно это было вчера.

Нас встречала прекрасная учительница Элишева. Кто-то плакал, кто-то боялся, и все волновались.

Мягкая, сердечная улыбка нашей учительницы, переключка и начало знакомства успокоили нас, и на смену страху пришло любопытство. Мы робко разглядываем друг друга, другие разглядывают нас. Присматриваемся, несмело знакомимся, и вот уже появляются группки и компании.

В те дни, когда воспоминания начинают формироваться и

обретать форму, мы отправились в путешествие по жизни.

Хотя грамоту мы еще не постигли, но белым мелом, большими печатными буквами учительница написала на доске: «Здравствуй, первый класс».

ГЛАВА 4. «Душа»

Немного лет я провел со своими одноклассниками. В конце четвертого класса меня перевели в другую школу.

Прошло много лет, а я до сих пор вспоминаю своих одноклассников и учителей с тоской. И сейчас меня снова охватили эмоции и воспоминания.

Я хорошо помню друзей, наши приключения, даже запахи помню, хотя пропустил немало занятий и много утренних молитв. И если меня спрашивали, почему я не пришел, я отвечал, что кипу отправили в стирку. А если пропуска были частыми и непрерывными, то еще и сушка шла в ход.

Оценками, преобладавшими в моем аттестате, были тройки и двойки, но мне этого было достаточно. Помню все наказания и порки, и, наверное, все драки, в которых я участвовал.

Помню угол у двери класса, куда нас ставили в качестве наказания. Я изучил каждую трещинку на этой стене лучше, чем свою тетрадь.

Учительница Элишева была нестрогой, и наказания у нее были мягкими – стоять у стены лицом к классу.

Учительница Нурит была изобретательнее и импровизировала с углом, насколько хватало воображения. Виды наказания менялись в зависимости от тяжести проступка: стоять в углу лицом к классу, стоять лицом к стене, стоять на одной

ноге лицом к классу, стоять на одной ноге лицом к стене с правом менять ногу, и самое тяжелое – стоять на одной ноге без права менять ногу. Это был ее авторский метод.

Но самым сильным, тяжелым и болезненным в ее арсенале наказаний были буковые палки от кроваток ее детей, которые разбирались, когда малыши вырастали и от кроватки отвыкали. Палки стояли в закрытом пенале – ее арсенале, стояли и ждали.

Уж не знаю, по какой причине, но мою попу ее палки жаловали особо.

Перед религиозными праздниками мы изучали каждый праздник, его истоки и традиции.

Учительница Нурит любила разнообразить этот процесс: на Песах плюс к десяти казням, которые навел Моше на Египет, на нас обрушивалось еще 20 от Нурит, дополнительно – чтобы мы прочувствовали на собственной шкуре, как тяжело пришлось упрямому фараону, толстокожему и непокорному. На Рош-а-Шана мы получали по голове, чтобы учились думать, а не плыть по течению. На Пурим мы получали благотворительную порцию по заднице, от чистого сердца учительницы Нурит.

Но больше всего я любил Ту би-Шват, праздник деревьев. Сажены, запах земли, пропитанной дождем, цветение хризантем, цикламенов, маков и анемонов.

Буйство красок и вылазки на природу накладывали отпечаток. Самые романтические мальчишки в минуту вдохнове-

ния распевали девчонкам дивные серенады:

"Посмотрите, все цветет.
Ту би-Шват пришел.
А девчонкам прямо в рот
Навонял осел".

Это дорого нам обходилось, а для учительницы Нурит становилось шикарнейшей возможностью, которую она, конечно же, не могла упустить, проявить свое виртуозное мастерство владения палкой и умение импровизировать. Как известно, на природе изобилие деревьев. А у них полно веток. Она немедленно выламывала ветку, обдирала листки и побеги и розгой проходила по нашим спинам.

Несмотря на это, воспоминания о дорогой учительнице Нурит, прочно засевшие в моем сердце и заднице, наполнены теплом и любовью. Мы были ей небезразличны. Она правда желала нам лучшего. Просто хотела обозначить для нас границы, тем самым проявляя свою любовь к нам. "Щадящий розгу свою ненавидит сына своего," – разве не так сказал мудрейший царь Соломон? Да, много путей у мудрости, и одна из них – через мягкое место.

Сегодня я дал слово небесам, и лишь одна звезда засияла мне. Одинокая звезда, сверкавшая по-особенному. Может, это моя звезда, и загорелась она только для меня? А может, и для каждого из вас.

Мы, люди, приучены с детства, что все имеет границы,

начало и конец. Так устроен и наш мозг. Но, оказывается, у Вселенной нет границ. Мы открываем новые звезды – каждая последующая еще дальше от нас. В сущности, свет, который мы видим с помощью наших супермощных телескопов, послан звездами, возможно, еще до того, как мы пришли в этот мир, или 40–50 лет назад – в то время, на которое приходится большинство моих детских воспоминаний. И возможно, с тех пор сама звезда уже погасла, и ее вообще уже не существует.

Скорость света – самая быстрая скорость во Вселенной, и если хочешь остановить время – двигайся со скоростью света. Значит, скорость света равна скорости времени.

Допустим, глаз засек сверкающую в небе молнию, но лишь через несколько секунд мы слышим гром, порожденный ею. Он движется к нам со скоростью звука, который намного ниже скорости света.

У каждого из наших чувств собственная скорость. Это то время, за которое наш мозг интерпретирует то, что мы увидели, услышали, унюхали, попробовали на вкус или чего коснулись.

Это те самые 5 чувств, которые наполняют жизнь человека, и создают реальность, которой не существует, внутри и снаружи. Все сигналы попадают в мозг, интерпретируются там и сохраняются в памяти. Если ребенок обжегся, подвергся побоям или пережил другой травматический опыт, он будет бояться и избегать подобного опыта и решится на

него только в случае, если любопытство будет сильнее страха. Точно так же приятные переживания ребенок захочет воспроизвести.

Все наши переживания откладываются в подсознании, превращаясь в опыт, осознание и выводы. И все пять наших чувств имеют физические проявления: нервы, по которым бегут электрические импульсы, плоть и кровь. Если мы не хотим видеть – мы можем зажмуриться, не хотим слышать – заткнем уши, не нравится запах – заткнем нос, мы можем не пробовать и не касаться. Также и в воспоминаниях откладывается в первую очередь то, что для нас важнее. Мы запоминаем важные для нас телефоны, имена близких и любимых и так далее. У памяти тоже есть границы, и если она переполнена и есть риск забыть что-то важное, к нам на помощь приходит память компьютера, телефона и записи. Если захочешь вспомнить, ты просто откроешь ячейку памяти и там обнаружишь массу неожиданного. А потом нахлынут и чувства.

Помимо сознания, мы обладаем еще и подсознанием. Это звено, соединяющее материальное и нематериальное. В подсознании хранятся чувства, травмы, хорошие и плохие воспоминания, которые по каким-то причинам мы предпочли вытеснить, забыть и отложить подальше. Они могут всплыть в самый неподходящий момент – например, мы идем по улице и вдруг улавливаем запах духов человека, которого любили когда-то. Знакомая картинка или песня может пробудить

к жизни воспоминания. И под влиянием этих триггеров нас опять захлестывают чувства.

Наше подсознание – плотно запечатанный сейф, оберегающий сознание. Мы вполне способны контролировать его, пока не сталкиваемся с травматическим опытом, который лишает нас контроля. А в крайних случаях не обойтись и без помощи врачей. Пока мы способны воспринимать информацию и знаем, где следует проявить осторожность, жизнь течет легко.

По каббале существует семь ступеней мудрости у человека. Самая высокая – седьмая. Выше только Бог. Все, что выше, скрыто от нашего понимания. Как говорили наши мудрецы, «не пытайся постичь непостижимого».

Где же границы мира? Где он заканчивается? И если где-то заканчивается, что служит ему границами? А что за ними? Этого нам, людям, понять не дано, слишком ограничен наш мозг. Даже великий физик Альберт Эйнштейн не смог ответить на этот вопрос. И когда его спросили, он ответил: «Пойдите в Синагогу, возможно там, с Божьей помощью, найдете ответ». Барух Спиноза со своей мудрой метафизикой не смог разгадать загадки Бога, конца мира и вечной жизни.

Гуманитарные науки, исследования мозга, мистические учения, каббала – все пришли к одному ясному выводу, что миром правит некий высший разум и вера в него. Я называю его Богом, другие считают совпадениями, кто-то высшим ра-

зумом или как-то иначе. Каждый зовет, как ему нравится. Он тот, кто дал импульс рождению вселенной и до сих пор зажигает свет в каждой душе, явившейся в мир, в каждом новорожденном ребенке.

Каждая душа, в которую Бог вдохнул жизнь своим прикосновением, безгранична, невесома и способна летать. Она может гулять в воображении по облакам, летать в мечтах далеко-далеко, испытывать наслаждение, любить. Это наши инстинкты и творческое начало – оно управляет нашим телом и чувствами, нашими поступками, настроением, любопытством. Именно она отличает нас от животных. А мы, благодаря ей, отличаем хорошее от плохого. Она есть суть нашей жизни. Чем больше величия в наших душах, тем богаче наша аура, а лица более вдохновлены. Тем мы добрее и тем лучшей жизни и вечности мы заслуживаем.

Почему по иудейской философии день рождения отмечают каждый год? Ведь чем старше мы становимся, тем больше стареем и тем ближе приближаемся к концу. Так к чему эта радость?

Радость в том, что мы растем, и наша душа, наша небесная суть растет тоже – это мы и празднуем. У каждой души свое место в духовной иерархии. И по мере того, как мы взрослеем, душа поднимается все выше по духовной лестнице, все ближе к создателю.

Прекрасно прожить много лет в здоровом теле, имея здоровый дух, пока не отдашь свой долг миру, а мир не выпол-

нит свой долг перед тобой.

Добрая душа – вечна, потому что после ее ухода она продолжит жить в памяти своих близких и любимых.

ГЛАВА 5. «Как бы»

классная фотография, 3 класс

классная фотография, 4 класс

Мы были разумным классом. Таким разумным, что любая фраза начиналась с «как бы» и им же оканчивалась. И еще одно «как бы» маячило в середине.

Ученик, не знавший ответа, начинал с «Ну как бы...». Потом еще одно «как бы». И еще раз, протяжно, вопросительно глядя в нашу сторону и ловя наши взгляды.

А тот, что не знал, как спросить, выдавал целую череду коротких «как бы», и, если бы попросили гениального физика Альберта Эйнштейна с его теорией относительно-

сти или профессора Стивена Хокинга, написавшего краткую теорию Вселенной, объяснить правила употребления наших «как бы», их хватил бы Большой Взрыв и засосало в черную дыру. И они так и не смогли бы объяснить, как можно в одной фразе вернуть 30 «как бы».

Несмотря на это, было у нас и кое-что настоящее, немало докучавшее нам своим несметным количеством.

Вам известно, что нет ничего более пахучего, чем газы, выпущенные в классе с полной посадкой?

Запах поднимается, рассеивается и окутывает весь класс вонючей завесой. И как поселенец на территориях, отказывается уходить.

И все начинают переглядываться, пытаясь по особым признакам вычислить того, кто испортил воздух и атмосферу.

И даже Шломо Турджеман, будущий военный, мастер ориентировки, не мог определить, откуда пришла беда.

Может, это сделал он? А может, он? А может, учитель выпустил ракету с лазерной наводкой еще до того, как ее изобрели?

У учителей были свои методы. Надо было просто огреть кого-нибудь линейкой прежде, чем выпускать свою ракету.

Эффект неожиданности гарантировал дискретность.

Тот же, кто выпустил – несмотря на то, что на воре и шапка горит – смотрел обвиняющим взглядом, сузив глаза, на соседа по парте и старался отсесть на самый край парты, подальше от товарища, унося с собой вонь и издавая фальши-

вое, громкое «Фууу!». И ему становилось легче.

Сегодня я отмечаю свой 54-й день рождения. Я еще молод в душе. Я еще люблю и любим и чувствую, что вся жизнь еще впереди. И желаю себе и всем своим одноклассникам еще многое успеть, прежде чем Нисиму Хазизе, вытесывающему надгробные памятники, доведется применить свое мастерство.

У большинства из нас семьи и дети. Кое у кого – внуки и, с божьей помощью, дождемся и правнуков. А в те времена, когда мы еще учились в школе и были маленькими, наивными детьми мы верили, что детей приносит аист. Хотя немного сомневались в достоверности этого факта и подозревали, что аист, между нами, не так уж и безгрешен.

Помню, словно это было вчера, как в третьем классе, в нашей религиозной школе учительница впервые посадила нас смешанными парами – мальчиков с девочками. Мы сидели, отодвинувшись как можно дальше друг от друга, краснея от стыда. Молчали и уходили в себя, маленькие и напуганные, словно живые мумии. Хотелось стать невидимкой или провалиться сквозь землю. И если бы в класс заглянул посторонний, он решил бы, что нашел потерянный город лилипутов, который почему-то покинули веселье и смех. Только вместо Гулливера была учительница Нурит. Перед бурей всегда бывает затишье. Затишье царило и в нашей стране, и в нашем классе.

Моей соседкой по парте была Эстер (Эвелин) Битон.

Честно скажу, Эвелин, я не был такой уж находкой, но права выбора у нас не было, также как и права отказаться. Оставалось только смириться и сидеть с тем, с кем посадили.

Постепенно мы начали привыкать к новому положению дел. Сглатывая слюну, произносили первые отрывистые слова. Преодолевая стыд, начали обмениваться информацией, помогать друг другу. А потом вернулись смех и болтовня в несколько голосов. Учиться опять стало весело, и Шуламит опять скачет с парты на парту от переизбытка энергии, и весь класс радуется и ликует. Учительница Нурит опять взяла власть в свои руки, а вместе с ней и свой жезл. Кто болтал и мешал – сразу получал. Кто забыл и не учил – тоже получи!

Едва мы оправились от шока, как последовал новый удар, и раны от него затянутся еще не скоро. Начались продвинутые уроки естествознания, но учились мы теперь не по скелету – тому самому, которого приносили из кабинета директора по требованию учителя.

Разверзлись небеса, и мы начали изучать, откуда берутся дети, как они приходят в этот мир и что этому предшествует. О боги! Ни на каких аистах нам это не демонстрировали. И мы, наконец, поняли, что все учительницы, уходившие в декретный отпуск, отправлялись туда не по милости аистов, но при помощи других двуногих. Пока мы хихикали, смущенные объяснениями и картинками... пара назойливых вшей, которых тогда хватало, прямо на столе, без всякого стыда, у нас перед носом продемонстрировали на деле изучаемый

материал. Вши плодились без помощи уроков и излишних объяснений учителя.

Учитель сельского хозяйства Ной, преуспевший в выращивании овощей, не придумал, что делать с этим урожаем.

Но бедные вши были обречены с того момента, как появилось окончательное решение в лице школьной медсестры, которая во время урока провела палочкой у нас по волосам и отправила домой мыть голову керосином и вычесывать вшей специальной расческой. Мы были спасены.

В те дни, на школьной скамье, мы осознали, что история с аистом – блеф. Хотя самые наивные и застенчивые не смогли смириться с законами природы и продолжали верить в аистов, отказываясь признавать страсть больших двуногих. Осенью и весной они все так же смотрели в небеса и, не отчаиваясь, ждали аистов, которые принесут им детей.

Менее наивные с бьющимся сердцем начали, краснея, добиваться дружбы девочек. Девочки, скромны и стеснительны, как и положено, делали вид, что не заинтересованы. Задирая нос, они давали понять, что так просто не дадутся, и отталкивали нас, хоть и не слишком настойчиво. Но мальчики – на то они и мальчики, чтобы настаивать. Ведь кто не рискует – не пьет шампанское. И ухаживания становились все более дерзкими и настойчивыми. Некоторые добивались своего, а некоторые удостаивались громкой пощечины. Хотя представительницам слабого пола это не слишком помогало.

И постепенно стены начали давать трещины. Крепости

рушились, открывались сердца, души находили друг друга. И начали появляться юные, трогательные влюбленности. И стали возникать пары. Пары ходили, держась за руки, а над ними витало Божье благословение.

А бедняжка, которая поддалась на мои ухаживания, осталась одна. Потому что я, как перекасти поле – ветер странствий и приключений у меня в крови. Тяга путешествий по дюнам Ашкелона и по всему миру была сильнее меня.

При любой возможности я выпрыгивал из окна класса и бежал к желтоватым дюнам. Я странствовал с ветром.

И хотя я провел с моим классом всего 4 года, всех моих одноклассников и учителей я нес в душе, куда бы ни поехал. Как гвоздем на скале, они были врезаны в мое сердце. Сейчас я понимаю, что как бы далеко и надолго ты не уехал, от себя не уедешь. Ты всегда остаешься с собой и с теми, кого любишь, кто живет в твоём сердце. Вы вместе навечно.

ГЛАВА 6. Затишье перед бурей

Конец сентября 1973. Учебный год начался. Мы учимся в третьем классе.

Уроки естествознания становятся все интереснее по мере того, как мы углубляемся в изучение организма человека и тайны его рождения.

Почти у каждого уже есть парень или девушка, а я все еще свободен и счастлив.

Природа – деревья, море и песок, к которым я сбегал с уроков, для меня и для таких же, как я, были лучшей компанией. Хоть мы и изучали строение человека, но еще не знали, что можно делать с нашим маленьким краником, кроме как мочиться дугой, чертить на песке или орать от боли, если нечаянно прищемил его молнией. Чертово изобретение эта молния!

Близился еврейский Новый год. В том году он выпал на 26 сентября, или на 4 элула по иудейскому календарю, который сдвигается каждый год и плавает между сентябрем и октябрём григорианского календаря.

Мы наслаждались праздником, принимали гостей, сами ходили в гости и отводили душу, наворачивая угощения. В школу мы вернулись на несколько дней, что между Новым годом и Судным днем. В классе было тихо и спокойно. Через пару дней нас ждали еще одни длинные каникулы. Сна-

чала Судный день, потом Суккот... Так кому надо устраивать проблемы? Ничто не предвещало беды, и мы, ученики третьего класса школы «Йешурун», учились в свое удовольствие.

Никто ни в правительстве, ни в армии не предполагал и не знал, что прямо сейчас готовится массивная атака и вражеские страны копят силы, чтобы напасть на нас и уничтожить. А мы готовимся к Судному дню – самому святому празднику для евреев, который мы отмечаем 26-часовым постом.

Сам Судный день выпал на 6 октября 1973 года. И пока мы постимся, раскаиваемся, искупаем свои грехи и просим прощения в искренних молитвах, вскидываем руки и воздеваем глаза к небу, вражеские силы семи стран под предводительством Египта на юге и Сирии на севере уже подготовились и ждут сигнала, чтобы напасть на нас и уничтожить государство Израиль.

И вторглась миллионная армия солдат. Огромная армия, оснащенная самыми современными танками, артиллерией, авиацией. Противотанковые мины, РПГ и «Калашников» – лучшее оружие тех дней.

Мой папа, приехавший из Марокко, был тогда певчим в синагоге грузинских евреев, приехавших в Израиль с 1971 года по призыву Голды Меир, тогдашнего премьер-министра Израиля. Во время визита к генеральному секретарю Советского Союза Леониду Брежневу она сказала: «Отпусти народ мой». И он приоткрыл железный занавес. И тогда в страну

приехало большинство наших собратьев из Грузии, Осетии и еще немногие, кого выпустили из Советского Союза.

Судный день в тот год выпал на субботу. Мы с братом Яковом (он старше меня на полтора года) сидели в первом ряду, как и положено детям раввина, а папа стоял у молитвенной стойки перед синагогальным ковчегом и Торой в нем.

Рядом сидел пожилой грузин в большой круглой грузинской шапке, а справа от него – маленький сын, наш ровесник. И такие пары – отцы и сыновья, были рассеяны по всей синагоге.

Мальчик клевал носом и делал вид, что читает книгу, время от времени рассеянно перелистывая страницы молитвенника. Взглянув на него, отец обнаружил, что он держит молитвенник кое-как, и открыт он не на той странице. Недолго думая, он вlepил своему сыну звонкую оплеуху, а потом подзатыльник. Мальчик очнулся ото сна. Так повторялось несколько раз. Его маленькая голова идеально подходила для оплеух. Вообще-то, если смотреть в профиль, голова у грузин в те годы была буквально создана для подзатыльников. Она у них была неестественно плоской сзади и казалась продолжением спины. Нам они напоминали леденцы на палочках, поэтому мы с братом называли их «леденцами».

На протяжении всей молитвы раздавались громкие оплеухи, которые отвешивались задремавшим по всей синагоге. А мы смеялись и верили, что именно в оплеухах причина их плоских затылков. Думали, что это не позволяет их мозгу

раздаться и стать выпуклым.

Сегодня головы грузин не отличаются от остальных, а причина плоских затылков крылась в древнем грузинском обычае привязывать к затылку младенца доску, чтобы голова была плоской. Очень удобно для отцов – идеальная плоскость для раздачи оплеух задремавшим во время молитвы.

В полдень по всему Ашкелону раздались завывания первой сирены, возвестившей о начале войны. Грузины, не привыкшие к войне, выбежали из синагоги с криками: «Мама!» и оставили нас одних. Папа громко звал их вернуться и дочитать молитву, даже ругался: «Вернитесь, чтоб вас!».

Но все было бесполезно. Не вернулся никто.

Мы с отцом и с Яковом продолжали молиться до вечера, а потом пошли домой, гадая, что же случилось.

Так началась война Судного дня. Гигантская армия – около миллиона арабских солдат – хорошо подготовленная и оснащенная лучшим советским оружием, при поддержке СССР и стран Варшавского договора, вторглась в нашу страну на севере и на юге и встретила с маленькой израильской армией, вооруженной жалким количеством устаревшего оружия. Соотношение оружия было примерно один к четырем, а на одного израильского солдата в начале войны приходилось двадцать вражеских, а после всеобщей мобилизации – трое. Многие еще молились в синагогах, и известие застало их врасплох.

Сразу же начали прибывать военные автобусы и увозить

солдат. Увезли и моего брата Габи, второго по старшинству. Меир, старший брат, уже воевал на фронте. Кроме этого, почти весь гражданский транспорт был призван на нужды войны.

Израильский народ объединился и встал монолитной стеной.

Тяжелые бои первой недели были попытками сдержать наступление. Большинство наших жертв в этой войне пришлось на эту неделю. Многие погибли или были ранены.

Бывали минуты отчаяния, и только наша вера в Бога (ведь «не дремлет и не спит хранящий Израиль») придавала нам сил и позволила выиграть эту войну. А вместе с верой – отвага, смекалка, военная тактика и мудрость наших командиров. Военачальники вставали в строй и вели солдат за собой. И солдаты, и политики, и командиры понимали, что второго шанса у нас не будет. Если мы проиграем – мы перестанем существовать. И в ходе войны произошел перелом.

Историй героизма не перечесать. Кто-то стал героем по своей воле, кто-то – за неимением выбора.

Остановив врага, наша армия начала активное наступление на всех фронтах. На юге, в Синайской пустыне, мы начали окружать египетские войска. Переправившись через Суэцкий канал, две дивизии вошли в Египет и продвинулись до 101-го км. Одной из дивизий командовал Ариэль Шарон, будущий премьер-министр. А на севере мы вторглись в Сирию до границы радиуса действия артиллерии из Дамаска.

А тем временем мы, дети всех школ страны, покупали сладости, носки и майки. Мы паковали их в коробки и писали трогательные письма поддержки наши солдатам. Мы просили их вернуться домой целыми и невредимыми. Эти коробки отправляли нашим героям, воевавшим на фронтах.

Мы, дети, не понимали, что им не нужны ни шоколад, ни трусы. Гораздо важнее были слова поддержки, полученные каждым солдатом от незнакомого ребенка, за которого он, по сути, и воевал.

Сегодня я живу в своей стране и очень надеюсь, что солдат, получивший мое письмо, вернулся домой невредимым и жив до сих пор. Что он увидел своими глазами наших детей, чудесное юное поколение, и нашу процветающую страну, и знает, что воевал не зря.

Кто выиграл войну, кто проиграл – неважно.

Египтяне и сирийцы считают, что победили они. Пусть считают. Какая разница?

В любой войне проигрывают обе стороны. Никто не вернет потерь и погибших. Прочность человека зависит не от количества падений, а от того, как быстро он способен встать и оправиться после падения.

Война судного дня привела к серьезному расколу в израильском обществе. Страна долго оправлялась и приходила в себя. Кто-то не досмотрел, потерял бдительность, кто-то зазнался, не увидел проблем прямо под носом, возомнил себя великим, хотя велик только Господь. А мы, люди, рядом с

ним малы. А главное, мы забыли, как обманчиво бывает за-
тишь перед бурей.

Мирьям, бабушка моей мамы

ГЛАВА 7. «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?»

Война закончилась. Страна еще зализывала раны. Похороны, потерявшие близких семьи, пропавшие без вести солдаты, следственные комиссии, извлеченные из войны уроки, общественные дебаты, комиссия Аграната на тему «кто знал, но молчал», кто прав, кто виноват, и кого в конце концов сделать козлом отпущения... Все это не волновало моих одноклассников. Не волновало и мою семью, озабоченную поисками Меира, моего старшего брата, служившего пехотинцем в бригаде «Нахаль», который пропал во время войны и не пришел после ее окончания.

В доме словно свет погас, и всех нас охватила подавленность и неизвестность.

Папа искал своего старшего сына повсюду. Каждый день он ездил к коменданту города узнать, есть ли новости, возвращался опустошенный и замкнутый и ни с кем не разговаривал. Мама, снедаемая тревогой, сидела молча, глотая слезы.

Мамина бабушка Мирьям приезжала каждый день. Меир был ее первым правнуком. Он родился еще в Марокко и вырос у нее на руках. Каждый день она ехала к нам на автобусе, садилась на низенькую скамеечку и с надеждой ждала новостей. Папа перестал заводить большие часы с кукушкой в го-

стиной. Часы замерли. И вместе с ними остановилось время.

Спустя месяц после окончания войны к нам в дверь постучали вестники: врач и два офицера – мужчина и женщина. Вестники приносят либо счастье, либо горе. Они сообщают «кому жить, а кому умереть». Было страшно. Они постучали, папа открыл и сразу упал без сознания.

Врач привел папу в чувство, а офицер сообщил, что все в порядке. Михаэля (второе имя Меира) нашли. И он пообещал, что скоро его отпустят домой в увольнительную.

В день его возвращения, мы все – братья, родители, соседи – ждали его с нетерпением. Люди стояли у входа и выглядывали изо всех окон, встречая нашего старшего брата. Соседи с нашей площадки постарались и накрыли на стол.

На следующее утро весь дом очнулся и вернулся к жизни. Зажегся свет, часы опять затикали, кукушка начала куковать каждый час, и радость вернулась в наш маленький дом. Мы пришли в себя, и жизнь вошла в свою колею и в школе, и дома.

Учительница Нурит в дни войны и немного после старалась сдерживаться как могла, хотя в руках у нее чего-то не хватало, и они явно чесались.

Утром она пришла в класс в приподнятом настроении и рассказала о планах на сегодня.

Мы встали, приветствуя ее, и снова сели для переключки. Сразу после этого мы подняли с пола портфели и стали готовиться к уроку по расписанию.

Учительница ждала и ласково улыбалась, а потом сказала: «Положите ранцы на место. Сегодня у нас другие планы». И написала на доске голубым мелом: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?»

Все начали рассказывать, кто кем хочет стать.

Кто медсестрой, кто полицейским, кто секретарем, кто военным офицером... А я задумал стать врачом, чтобы быть поближе к будущей медсестре. И еще примерно полкласса – медсестры и пожарные.

И вот мы все сидим в классе, довольные и счастливые. На лицах сияют улыбки, грудь – колесом, и будущее светло и безоблачно.

Учительница слушала с полуулыбкой и немного грустными глазами и думала, как же мы наивны. Она понимала, что никому не нужно такое количество медсестер и пожарных. А этот, у которого кипа постоянно в стирке и который все время теряет ранец... Как он сможет помогать больным, если стетоскоп все время будет в стирке, а аптечка и инструменты потеряются? А мы думали: «Почему никто... ну никто не хочет стать учителем?»

Да, мы не хотели быть учителями. Да и как можно хотеть быть учителем?

Учителя дети с ума сводят. Бумажки швыряют, на голове ходят. Бросаются листками, пускают газы. По очереди, а иногда и все сразу. Порою напор слишком мощным бывает. Тогда по частям его выпускают. Напрягся, расслабился, все

тихо и гладко. И продолжаешь писать в тетрадке. Никто и не знает, не подозревает, какая буря в тебе назревает. Чтобы жонглировать газами ловко, как в деле любом, здесь важна тренировка. Бумажными пульками плюются в девчонок. А те потом галдят возмущенно: «А он в меня плюнул! Украл карандаш! Я все расскажу, если ты не отдашь!». И педагог наконец устает и палку из шкафа свою достает. А этот, что пялится вечно на грудь, и пишет контрольные как-нибудь, и изучает свой пенис от скуки – всыпать ему так и чешутся руки.

Маленький секрет для тех, кто, возвращаясь с перемены, обнаруживал пропавшие карандаши. Я редко покупал карандаши, но почему-то, кто знает почему... в моем пустом ранце обнаруживались тетради, учебники, богатейшая коллекция карандашей, точилок, линеек и фломастеров.

Это тот самый ранец, который постоянно терялся, а на завтра находился. Тот ранец, который я сберег, и в котором до сих пор хранятся все письменные принадлежности, которые я спер у вас в классе. И я пользуюсь ими и сейчас, когда пишу эту книгу. Поэтому можно сказать, что я пишу ее благодаря вам.

Девочки, которые пришли в класс после меня... Я хотел вам рассказать, что очень скучал по своим друзьям из «Йешурун», когда перешел в другую школу неподалеку. А в другой школе были свои профессионалы по краже ручек, и вскоре мне нечем стало писать.

Ностальгия и тоска одолевали, и меня тянуло к вам – побыть немного со старыми друзьями и разведать, какие сюрпризы кроются в ранцах новеньких девочек. Так что в моем старом ранце есть несколько сувениров и от вас.

Да, полицейская Ги́ла, прошло уже больше сорока лет и, если не ошибаюсь, срок исковой давности уже истек, те времена минули. Почти полвека прошло. И почти никто из одноклассников не выбрал профессию, о которой мечтал тогда, в школе «Йешурун», в городе Ашкелоне, на берегу Средиземного моря.

Я вырос, женился. У меня два сына – Шломи и Ярдэн, для которых двадцать пять лет назад я написал детский рассказ. Но он адресован и взрослым.

«У Даниэля был Мячик. Звали его Мячо. Даниэль его очень любил.

Каждый день, придя из школы, Даниэль быстро делал уроки, хватал свой мяч, катал, бил по нему ногой и несся с ним играть на площадку.

Там его уже ждали друзья, которые тоже любили играть с Мячо.

И мяч Мячо обожал играть с детьми. И не столько потому, что любил игры, а скорее потому, что дети были счастливы. Они смеялись, бегали и играли во все игры, которые Мячо мог им предложить.

Однажды в школе Даниэль с воодушевлением рассказывал друзьям о мячике Мячо – во что играли, сколько голов

забили вчера и во что играть сегодня, а Мячо лежал в коробке и думал о том, как ему надоело, что его бьют, катают, вертят, пока голова не закружится, швыряют в грязь. И совершенно не считаются с ним и его согласия не спрашивают.

Мячик Мячо решил, что больше не хочет быть шестеркой.

После обеда Даниэль пришел из школы, довольный и взволнованный, помчался к ящику с игрушками и обнаружил, что Мячо сдулся. А без воздуха его лицо казалось обвисшим и помятым, глаза выглядели грустными, а улыбка исчезла.

Даниэль вышел к друзьям, ожидавшим его во дворе, и рассказал им, что мячик Мячо заболел и не сможет играть с ними сегодня.

И на следующий день наш Мячо не изменил своего решения и оставался сдутым.

С грустью Даниэль перенес его в другой ящик. Так шел день за днем.

На пятый день мячик Мячо почувствовал, что скучно ему в коробке со сломанными, печальными игрушками. Коробка напоминала кладбище бесполезных, никому не нужных вещей.

У одной машинки не хватало колеса, у другой – обоих. У экскаватора сломан грейфер, роботы без рук и ног. Был даже один робот без головы.

Эту коробку не посещала радость, в ней не звучал смех. В ней царили тоска и скорбь.

Мячо подождал еще день. Но больше он не мог там оставаться. Не выдержал.

И на следующий день Даниэль обнаружил мячик Мячо накачанным и круглолицым. Глаза его сияли, а рот широко улыбался.

Даниэль обрадовался. Мячо был счастлив. И они радостно побежали на площадку играть с детьми.

И Мячо снова радовался, слыша смех детей, по которым он так соскучился. Особенно он радовался тому, что не стал ждать еще дольше. Ведь если бы он задержался там, его забыли бы и потеряли к нему интерес. А он остался бы лежать в коробке, мятый и несчастный.

Мячик Мячо понял, что у каждого в этом мире свои задачи. И выполнять их надо с любовью, с радостью и наилучшим образом.

И в жизни так.

Чем бы ты ни занимался – будь ты врачом, уборщиком, инженером, фармацевтом, кассиром, риелтором, бухгалтером или парикмахером – главное, радовать людей и следовать своему призванию, к которому ты шел всю жизнь. Главное, чтобы это призвание было твоим, и от него тепло становилось на душе. И то, что делаете, – делайте хорошо. И неважно, что вы сказали, когда в детстве вас спрашивали, кем вы хотите стать».

ГЛАВА 8. Чудеса

Я сижу, перебираю воспоминания из начальных классов школы «Йешурун», и вспоминаются долгие праздники и каникулы, которых мы всегда так ждали! Мы дни считали до них дни и говорили так: Песах – три недели школы нет, Суккот (Праздник кущей) – десять дней школы нет, и так далее. А учительница Нурит поправляла: «Школа есть. Занятий нет».

Темой уроков перед праздниками в основном были праздники. На Хануку мы узнавали про героизм Маккавеев и про чудо лампы. В Суккот – смотрели, как учительница строит зеленую, светлую сукку. Про чудо появления дерева и досок, с помощью которых она воспитывала нас. На Песах – про то, как разверзлось Красное море и как насыпать казни, пока не добьешься своего.

Пока учительница рассказывала о бесконечных чудесах, посещавших наших предков в далеком прошлом, головы учеников уже были заняты другим. Мы уносились мыслями вдаль и мечтали с тоской о пончиках и оладьях, которые мама посыплет сахаром, и о волчках, которые будут крутиться быстрее и дольше, чем у товарищей.

На Пурим мы переоденемся в красочные костюмы, и для наших постоянно наостренных ушей наступит облегчение и избавление, потому что добрый злодей Аман предоставил

детям свои уши.

Жаль, что нас больше не таскают за уши. Могли бы бесплатно подтянуть кожу, и мы остались бы молодыми навеки и с радостью отказались бы от услуг пластических хирургов.

Мы катаемся без билета на облачке по небу, смотрим вниз и видим людей – крохотных, как муравьи, которые суетятся, делая покупки и готовясь к празднику, и наша милая учительница замечает, что мы спим наяву, а она разговаривает сама с собой и со стенами.

Молниеносно она вытаскивает розгу и, всыпав каждому, кто находится в радиусе досягаемости, возвращает в класс стадо, блуждающее по далеким полям. И прямо перед каникулами отправляет нас домой с кипой рабочих тетрадей, чтобы напомнить, что праздники когда-нибудь заканчиваются, школа существует и после каникул и вместе с ней ждет нас, готовая к занятиям. А волшебство существует только в Танахе и в сказках о феях.

Меня часто спрашивают: как это возможно, что в школе нас били? Положа руку на сердце, били везде: и в школе «Йешурун», и во всех религиозных школах тех дней – и учителя, и маленький нервный завуч Бен Шахар. Директор Эфраим Фоссет руки на нас не поднимал, но с его ведома поднимали другие. Как и директора других школ, в которых я учился. Можно было получить даже от преподавателя другого класса, которому ты просто не приглянулся.

Били разными способами: длинной деревянной линейкой,

палкой из бука, удары которой были особенно сильными и болезненными. В приступе гнева, по чему придется. Тягали за уши, пока ты не вытягивался на носочках в струнку и, казалось, уши вот-вот оторвутся. Заламывали пальцы так, что еще немного, и сломаются. А ты стоишь, извиваешься от боли и приплясываешь, как испанская танцовщица.

По требованию воспитателя и по его настроению, нам приходилось стоять с вытянутой рукой и открытой ладонью, по которой гуляла линейка. Или с вытянутой рукой и сжатыми пальцами, что, кстати, было еще больнее. И это еще ничего.

Бывали дни, когда на наши спины обрушивалась вся боль разочарований, принесенная учителем из дома, и он терял контроль над собой и месил без жалости первую попавшуюся жертву.

Не все учителя были жестокими. Некоторые никогда нас не били. Некоторые нас почти не наказывали. А учительница Рина из четвертого класса легонько хлопала нас по лицу, как во время массажа, только чтобы не забывали, кто здесь учитель.

Били нас не только в школе. Дома тоже доставалось: от родителей, от старших братьев. И на улице мог попасться какой-нибудь драчун. Другого мы не знали. Не раз я приходил домой весь в синяках. Таким было воспитание, образ жизни и культурные нормы.

Другого мы не знали и считали, что это нормально – тебя

бьют, и ты бьешь.

Вскоре и я поднаторел в уличных боях. Хоть росточком и не вышел, но я был дерзким и сильным, и немногие могли меня одолеть, даже среди тех, кто старше года на два. И сам иногда возвращался с синяками, шрамами и порезами на теле. Иногда с искусанными руками.

Пока однажды, подростком, устроив засаду другим, не поймал одного парнишку. Резким движением я уложил его на лопатки головой в песок и запрыгнул сверху, готовый пустить в ход кулаки. Вдруг он сжал мои руки и сказал спокойно, без страха: «Знаешь, почему ты дерешься?». И сам ответил: «Потому что не умеешь говорить».

Его слова потрясли меня. Я встал и протянул ему руку. И сказал: «Извини» и «Спасибо». И с тех пор я учусь говорить.

Конечно, я дрался еще не раз. Но только когда не было выбора и только в целях самообороны. Потому что было еще много таких, кто не умел говорить и разговаривал только кулаками.

Тот парнишка был моим ровесником, и для меня он стал настоящим героем, Человек часто бьет из страха, что его назовут трусом. Возможно он не хочет ссориться, а предпочел бы подойти и сказать: «Давай будем друзьями». Но страх «что скажут другие?» сильнее, и мы ссоримся, спасая свое эго и теряя друзей.

Мудрецы говорили: «Мужчина – тот, кто сумел побороть свои инстинкты». То есть тот, кто сумел справиться с ними,

не развязывая войны – словами и переговорами.

Сегодня ни в Ашкелоне, ни во всем Израиле уже не бьют детей в школах. Дети получили свободу и уважение. А я считал тогда и считаю сегодня, что каждый учитель желал лучшего для своих учеников. Не понимаю и не одобряю родителей, выступающих против учителей. Тех, что проявляют к учителю неуважение при детях. К учителю, отдающему детям все свои силы и способности.

Учитель заслуживает уважения. Так должно быть. Почитая учителя, ребенок может учиться, усваивать материал и вести себя достойно. Все начинается с дома. Учитель учит. А воспитывают родители.

Все эти годы я относился с уважением к своим учителям. И даже когда стал студентом, и уже можно было звать преподавателей просто по имени, я ставил перед именем уважительное «учитель». Так же как ставят «доктор» перед именем, обращаясь к врачу. Даже если я захотел бы называть их просто по имени, не смог бы. Так я отдаю дань уважения тем, кто посвящает нам свои жизни.

Я часто спрашиваю себя: «Почему?». Почему наш хвальный директор, кладезь идей Эфраим Фоссет, не догадался раздавать нам по «железному куполу» у входа каждое утро в начале учебного дня?

Это избавило бы меня от лишнего позора и множества глупых, нелогичных ответов на вопросы учителей. «Почему не пришел на молитву?» «Где домашнее задание?» «И вооб-

ще, почему тебя несколько дней не было в школе?».

Обычно я отвечал, что кипу постирали. А если пропускал несколько дней, то кипа еще и сохла. Хотя ее никогда не стирали и уж тем более – не сушили. А в дни, когда воображение выходило из берегов, я удивлял учителей вестью, что кипу унес ветер, что она упала, что я не нашел ее или ранец, который по размеру был больше меня. А на завтра и то, и другое вдруг находилось.

На самом деле, «железный купол» надежно защищает от ракет и снарядов, что выпускаются по нашей стране врагами. В основном ХАМАСом из сектора Газы, что обстреливает ракетами мирных граждан. Обстреливаются прилежащие к Газе районы, города Сдерот и Ашкелон.

Господин директор, если бы тогда, в начале 70-х, вы изобрели прототип системы «Железный купол», вы бы уже получили Нобелевскую премию мира, а мы, ученики и учителя, заслужили бы мировую славу и встали в один ряд с величайшими учеными мира, а не учились бы в дурацких школах.

Разве я не был для вас веским поводом сделать открытие века? Видимо, для великих и добрых дел мало воображения, дальновидности и таланта. Нужно еще кое-что. Например, Бог, который сотворит для нас чудо.

«Классная фотография 4 класс»

ГЛАВА 9. Доброе имя лучше хорошего масла

Подводя итог моих школьных лет и истории воссоединения школы «Йешерун», скажу, что в воздухе витал дух добра и оптимизма – так я чувствовал и тогда, и сегодня. И на этом завершу мой рассказ о воссоединении учеников «Йешурун».

Время сквозь пальцы сочится.
Время стремительно мчится.
Радость и боль – все на свете...
С вихрем уносит ветер.

Сегодня нам по 54. Мы стали чуть старше, а учителя и административная верхушка – тем более. Те, что еще живы.

Мои одноклассники, к счастью, все живы.
И способны еще на души порывы.

Много лет я мечтал в душе, верил и надеялся на воссоединение нашего класса, который носил в своем сердце все эти годы. И все ждал, что почтовый голубь принесет весточку о возрождении нашего коллектива. Как птица-феникс, сжигающая себя дотла, а потом восстающая из пепла для новой жизни. Восстав, она оборачивала пепел от предыдущего жизненного цикла ароматическими травами: миррой, нар-

дом, шафраном, корицей и ладаном. Ладан растет в пустыне, на границе между Амманом и Йеменом.

Там же похоронен и библейский Иов. Тот самый, которого по велению Бога испытывал Сатана, чтобы проверить, насколько сильна его вера.

На долю Иова выпали самые тяжелые испытания, которые только способен вынести человек. Потеря детей, потом – имущества; язвы, разъедавшие тело... Несмотря на все это, он благословлял Бога, говоря: «Бог дал – Бог взял. Да будет Он благословен и ныне, и присно, и вовеки веков».

Бог отплатил Иову. Он даровал ему еще большее состояние, здоровье и новую семью: сыновей и трех прекрасных дочерей. И не было красивее дочерей Иова.

Мидраш говорит, что птица Феникс не ела с Дерева познания и получила жизнь вечную с бесконечным числом циклов. Эта легенда присутствует у всех древних народов в различных версиях: у греков, у египтян и евреев. И у всех общие черты: огонь, возрождение и вечная жизнь.

Скромно замечу, что я, как человек впечатлительный, думающий, обладающий богатым воображением и ясным взглядом на жизнь, склонен к ностальгии. И воссоединение моего класса напомнило мне возрождение птицы Феникс.

Почти телепатически мы нашли друг друга. Наш класс возродился и обрел новую жизнь. Возродился обновленным, свежим, полным жизни, любви, эмоций и юношеской энергии. Словно только вчера мы расстались, и наступил новый

день. А в довесок – сорок с лишним лет опыта. Хотя в моем случае события прервались значительно раньше.

Во рту сладковатый привкус, душа полнится восторгом и гордостью за коллектив. Словно мы стояли в очереди за птицей Феникс и вместе пили из источника молодости. И мы жадно пьем живую воду и впитываем с радостью и любовью каждую каплю информации, каждый снимок, видео и сообщение.

Все легко, нет ни лицемерия, ни предпочтений – только искренность, похвала, равенство, открытость и простота. Истинная братская любовь. Один за всех, и все за одного.

Весь коллектив сплотился как один. Дело нашлось для каждого. А Нисим Хазиза предложил назвать наш класс его именем, а в качестве компенсации предложил скидку 50% и рассрочку на надгробный памятник. Странно, почему никто из нас не занял очередь?

Каждый вносит посильный вклад, и любой вклад приветствуется.

Наш обновленный коллектив держится на возрожденных воспоминаниях, и мы радостно отправляемся в путь.

Наш класс, тридцать с лишним восточных евреев из старых районов Ашкелона, представляли настоящий срез реальности «второго Израиля» – Израиля бедных районов и многодетных семей 70-х годов. Культура, отстоящая на сотни световых лет от богемы Тель-Авива и центра страны.

Израильский фильм «Горячая жевательная резинка» был

точно не про нас. Его реальность казалась нам далекой и недостижимой. Не говоря уже о заграничной жизни, которую мы видели только по телевизору и в кино – в фильмах с Брюсом Уиллисом и про ковбоев.

Кинотеатр «Маор» и Лотета, продающий семечки у входа в бумажных кулечках, кричащий: «Кому еще? Кому еще?», что с марокканским акцентом звучало как «Камушо? Камушо?».

Кинотеатр «Рахель» в престижном районе снобов Афридар...

В те времена у входа в кинотеатр стояли добрые-предобрые контролеры. Немного поплакать, немного поклянчить – и вот ты уже в кинотеатре совершенно бесплатно. А деньги остаются на сладости.

Как правило, впечатление от фильма не проходило по нескольку дней. Мы выхватывали пластмассовые пистолеты, как в кино, или изображали каратистов.

Как просто стало жить сегодня! Просто нажимаешь кнопку на пульте и выбираешь любой фильм!

Сядься в машину, выжимаешь газ – и ты уже в Тель-Авиве!

Нажимаешь кнопку на компьютере, покупаешь билет на самолет, и через пару часов ты уже гуляешь по улицам Москвы, Парижа или Рима.

Все просто, легко и электронно.

Поколение «инстант». При всем обилии самой продвину-

той техники и электроники кажется, что жизнь проходит мимо, и мы проходим мимо нее. Нет чувства истинной свободы и ни малейшего шанса уединиться.

Ты находишься под постоянным прицелом внимания, причем с собственного согласия. И если ты отключил телефон, чтобы немного побыть одному, все начинают нервничать и засыпать тебя вопросами, будто ты исчез совсем. Пока ты и сам не начнешь жалеть, что позволил себе уединиться.

Мы жили просто. Поколение простоты. И эту простоту мы любили. Мы любили свою незамысловатую жизнь, и я могу сказать с гордостью, что мы жили. Жили полной жизнью и дышали полной грудью, упиваясь своей свободой.

Я и сейчас при любой возможности с радостью полезу на дерево. И пусть я не кричу «Тарзан под небесами! Не сверкай трусами!». А может, и кричу... С удовольствием срываю шишки с кипарисов и пуляюсь в прохожих. Грешу, воруя апельсины... И все это для того, чтобы ощутить вкус тех счастливых дней.

Да, мы жили просто. Средств не хватало, детей было много, и родителям приходилось тяжело... Но родители, учителя и друзья дарили нам достаточно тепла и прививали ценности.

Мы умели находить радость в мелочах, довольствоваться малым и делиться малым. Потому что уже тогда мы понимали: хочешь ощущать счастье – делись им с другими.

Несмотря на все трудности, мы выросли и стали честны-

ми, уважаемыми людьми. Мы умеем дарить. Мы вырастили детей, а кое-кто уже дожил и до внуков.

Мы учились воспитывать детей, прививая им свои принципы, и учили их быть счастливыми, идти своим путем и слушать голос своего сердца.

Надо сказать спасибо нашей замечательной школе – и педагогам, и руководителям, преподававшим нам разные науки и умения. А попутно учили быть вежливыми и любить людей, как праотец Авраам, что отстаивал жизни грешных жителей Содома, не ожидая благодарности. Нас учили милосердию и скромности, как праотец Моисей. Ему было 120 лет, когда он увидел издали землю обетованную. Но он не вошел в нее, потому что согрешил, послушавшись Господа.

А у наших учительниц есть биометрические паспорта. За пару минут они проходят паспортный контроль, выезжая из страны или въезжая в нее. И не нужно блуждать 40 лет по пустыне.

Мы, их ученики, смиренно говорим «спасибо» всем. А вам, учительница Нурит – особенно. Ваше чувство юмора расцветило уроки. Мы для вас были самым дорогим. Вы научили нас принимать удары судьбы, как Иов, и подвергаясь испытаниям, верить, что все к лучшему. И честно, мы любили и ценили вас. И сейчас ценим. Счастья вам. Господь награждает за безоговорочную веру в то, что он желает для нас только лучшего. Так и вы. Ведь вы хотели, чтобы мы выросли хорошими людьми, потому что знали лучше всех, что

«доброе имя лучше хорошего масла».

ГЛАВА 10. «Первый взгляд»

Год или два назад, в пору долгих праздников, когда свободного времени было хоть отбавляй, я читал интересную книгу, проникнутую моралью – «Истории из жизни раввинов».

В одном из рассказов говорится о раввине, жившем много лет назад в одной деревне в Галиции, на территории, расположенной между Украиной и Польшей наших дней.

Раввин отправил своего ученика в Париж собирать пожертвования. За минуту до того, как ученик отправился в путь, раввин попросил привезти ему из Парижа курительную трубку.

Ученик пустился в путь, и вскоре собрал пожертвований больше, чем ожидалось. Вернулся он в деревню, но вдруг вспомнил, что забыл про трубку. Тут же побежал он в табачную лавку, купил хорошую, дорогую трубку и отдал раввину.

Рав осмотрел трубку и сказал: «Она не из Парижа». Ученик ответил: «Уважаемый, это хорошая, дорогая трубка». «Не в трубке дело, – сказал раввин. – Я не хотел, чтобы, гуляя по красивейшим местам Парижа, ты забыл свою маленькую деревню и раввина, который тебя ждет».

Эта история напомнила мне о местах, где я провел свое детство и юность до самой армии.

И мы с моим третьим сыном Озом отправились в путеше-

ствие по местам моего детства, Ашкелону – по старым районам, ашкелонскому парку, Афридару – району снобов, по пляжам и дюнам. Съездили и к школе «Йешурун», и к нашему первому дому в Ашкелоне.

Как все изменилось и каким маленьким стало! Наверное, дело в разности восприятия маленького ребенка и взрослого человека.

Когда-то мой дом был для меня целым миром. В нем жила моя семья – родители, братья и сестры, соседи. Мой одноклассник Бебер жил под нами и над нами (как я упоминал, мы получили две квартиры).

У здания было два двора – передний и задний. Была общая прачечная, служившая также игровой комнатой для детей. В ней мы ставили акробатические и цирковые номера.

Прачечная была выстроена из кирпичных блоков. И в каждом блоке не хватало по кирпичу, что создавало поток свежего воздуха для просушки белья. Здание походило на шахматную доску, и для игры в прятки, конечно, не подходило. Белье в нем сушили по очереди. Стирали вручную на ребристой стиральной доске.

Доску ставили в таз с водой и в нем замачивали белье. Использовали хозяйственное мыло «Синтабон для глубокой стирки».

Прачечная на улице была открыта для глаз и ветров, но вещи пропадали редко. Все пеленки, простыни, одежда – все оставалось на месте.

До сих пор восхищаюсь: как сверкали неоновой белизной рубашки, когда развевались на ветру! А сегодня у каждой семьи свое помещение для стирки. Навороченные стиральные машины, ароматные кондиционеры и прочие средства. А белье вот так не сияет... И черт побери, куда опять пропали носок, трусы и наволочка?! Может, в порошок стали добавлять еще один препарат под названием «бельевыводитель»?

Во дворе перед зданием было помещение мусоропровода, открытое солнцу и ветрам. Швейцарский стол для местных котов и для нас – охотников на мух, которые роем жужжали над баками. Мух было несколько видов – обычные с прозрачными крыльями, серо-черным брюшком и красным ободком вокруг глаз; такие же, но раза в два-три крупнее; и редкие – сверкавшие зеленым металлическим блеском.

И мы помогали мальчику, которому подарили желтых пушистых цыплят, жалобно пищавших: «пи-пи-пи». Резким хлопком ладоней мы в три смены ловили мух всех видов и мастей и скармливали им. Пока те, что выжили, не становились молоденькими петушками или курочками, способными обеспечить себя кормом без нашей помощи.

А хозяин цыплят уже различал их и даже дал им клички. Как он был счастлив, когда его отец смотрел на них с нежностью и оценивал, насколько откормлены их окорока! Словно заботился об их здоровье. А потом он раскрыл коварный план отца. Пока он расхваливал своих цыплят, их, вареных, подали на стол.

Не выбрасывалось ничего. Все было просто и эффективно.

В том же дворе мы играли в прятки. Водивший закрывал глаза и считал, а остальные бросались врассыпную прятаться. Там же играли в «казаков-разбойников», в шарики и в косточки, когда созревали персики.

Девочки играли в классики, резиночку и веревочку. Иногда мы, мальчики, играли вместе с ними, потому что тогда единственным отличием мальчиков от девочек для нас была поза, в которой мы мочились, и в умении мочиться дугой.

Коты, скопом мчавшиеся к бакам, работали в ночную смену и, как мыши, разбегались в разные стороны, завидев мальчишку или собаку. Не то что нынешние! Млеют себе в квартирах, развалившись в мягких креслах. Потягиваются, нежатся, напрашиваясь на ласку, и нехотя урчат. Бездельничают дома, на работу не ходят, едят деликатесы из банок и специальную пищу для котов и знай себе жиреют. И приобретают такие пугающие размеры, что теперь уже дети и собаки разбегаются от них, как мыши.

Если так пойдет и дальше, возможно, лет через сорок мы встретим кота в сапогах, владельца цирка – во фраке и с бабочкой. И этот кот будет дрессировать людей в человеческом цирке на глазах у ликующей публики. А мы, люди, будем ковылять, опираясь на палочку, ползать на четвереньках, прыгать и кувыркаться по команде под бурные аплодисменты и кошачье «Мяу!».

Пишу и смеюсь, вспоминая свои детские приключения. У нас было чудесное детство. Наполненное природой, теплом, любовью близких и чувством бесконечной свободы. Счастливейшая пора моей жизни.

Мы наслаждались открытыми просторами, сменой времен года, запахом земли после дождя, весенним цветением, морем – летом, осенью – детскими лагерями и ветрами. Мы строили шалаши из веток и стеблей тростника, съезжали с дюн и катались по ним кубарем. Летом они были белесо-желтые, а в сезон дождей приобретали желтоватый, керамический оттенок. Мы гуляли в старинных парках, по берегу моря, ходили в пешие многокилометровые походы. Уходили утром и возвращались вечером. Мы пропадали на людных и уединенных пляжах, в старинных парках на берегу моря.

Летом мы вполне могли прокормить себя сами. В дюнах росли дикий виноград и инжир, на плантациях – манго. А в долине – плоды кактуса и клубника – белая и черная.

Мы были быстры и проворны, как лани, хитры, как лисы, и коварны, как змеи, которых было полно в дюнах и в долине.

Если мы все же попадались в руки сторожу плантации, который гонялся за нами на быстром жеребце – не беда. Нам на помощь мчался наш верный пес, уже успевший растерзать парочку кроликов без нашего вмешательства. Чистопородная немецкая овчарка по кличке Ласси – умный и сильный пес, равных которому не было.

Разозлившись, он рычал на сторожа и бросался на лошадь,

пока сторож не начинал умолять, чтобы его забрали. Едва завидев нас, он скакал прочь на своем коне. Эта история повторилась, пока мы не натыкались на нового сторожа или не попадались в одиночку.

В начале зимы мы прибивались к молодым бедуинам, нашим сверстникам, которые пригоняли в Ашкелон на выпас свои стада. Мы пасли с ними овец, смотрели, как рождаются ягнята и как трепетно за ними ухаживают. Сразу после рождения мама и пастух моют их. Мама – языком, пастух – полотном, и вскоре малыши встают на ноги и начинают сосать полезное и сытное мамино молочко.

Как все было красиво и пасторально! Пока Ласси, наш сумасшедший пес, не обрывал привязь и не убегал на пастбище, распугивая лаем пастушьих ханаанских собак, уступавших ему в размере, и не разгонял все стадо.

Все бедуины были наслышаны о нем и мечтали свести с ним счеты.

Однажды один старый бедуин решил положить этому конец. В пиджаке он спрятал, по всей видимости, пистолет. Он подошел к нам на безопасное расстояние и спросил, как зовут пса. Я ответил: «Ласси». Он попытался засунуть руку за пазуху пиджака, и тут я что-то почувствовал.

«Стойте! – закричал я, – или я отпущу его!». Ласси, который уловил своим собачьим чутьем, что человек настроен враждебно, начал отчаянно лаять, и с силой потащил меня вперед, намереваясь укусить его. Причем нацеливался он на

верхнюю часть тела.

«Не смей!» – одернул я его. Бедуин был смелым, но разумным. Он испугался и уже хотел покончить с этим поскорее. Сказал, что у него пистолет, и опять попытался запустить руку за пазуху.

Я позволил Ласси приблизиться к нему, и теперь их разделял всего метр. Ласси рванул изо всех сил и опять попытался укусить. Он щелкал челюстями, изо рта капала слюна. Он был настроен убивать.

Бедуин убрал руку и предупредил меня, что в следующий раз он застрелит пса. Я не знаю точно, что было у него в пиджаке, но знаю, что он не успел бы даже спустить курок.

Ласси выкрали у полиции в полтора года, и он был натаскан атаковать нарушителей с любым оружием в руках. Однажды, гуляя с псом по плантациям, я отпустил его побегать. Его внимание привлек заяц, и помчавшись за ним, он оставил меня одного. Упомянутый сторож, поклявшийся удирать каждый раз, как нас увидит, заметил, что я один, и решил отомстить. Он выхватил плетъ и огрел меня изо всех сил. Дело было зимой, я был в плаще и боли почти не почувствовал.

Я очень испугался, а больно мне было оттого, что Ласси меня бросил. Я звал его, а сторож смеялся и издевался. Сидя на лошади, он наклонился и продолжал хлестать меня плетью.

И вдруг Ласси мелькнул между деревьев и набросился на

него. Можете не верить, потому что я и сам не представлял, каким опасным и жестоким может быть пёс. Я встал между сторожем и Ласси и с трудом сдержал его. И с моей помощью, сторожу еле удалось унести ноги. А ноги и у него, и у коня были искусаны до крови. С тех пор, даже если я появлялся на плантации один, сторож держал своё слово и скакал на своём коне подальше от меня.

Ласси был дикой собакой. В уличных боях он загрыз не одну собаку. А еще несколько котов, пару овец и несчётное количество зайцев, которых сам и ловил.

Когда-то он принадлежал нашему соседу Реувену, пожилому человеку, который выкрал его у полиции. В те годы собакам в холку ещё не вживляли электронный чип. И он продолжал обучать его нападать и кусать. Потом пес ему надоел, и он отдал его нашему брату Якову. Периодически Реувен забирал его у нас, а потом возвращал. И так повторялось несколько раз.

За те годы, что он провёл с нами, Ласси искусал около двадцати человек. В том числе моего дядю Шерли, который обожал его дразнить. Семь раз, после жалоб искусанных им людей, его изолировали в ветеринарной клинике. Спустя неделю, мы освобождали его, заплатив штраф и стоимость ухода в ветеринарной клинике. До следующего раза.

Однажды утром мы нашли его мертвым. Он был отравлен. Дети нашего района организовали похороны. И мы похоронили его в песчаных дюнах, которые он, как и мы, любил

за то чувство свободы, которое они ему дарили. Да, Ласси натворил много бед, но он лишь делал то, чему его научили.

Он был верной собакой и преданным охранником, защищавшим своих хозяев. А ведь в этом и было его призвание. В те годы мы, дети, жили и росли на природе, питались её соками, любили её. И были счастливы. Мы отправлялись в путь хорошо подготовленными к здоровой жизни, с багажом счастливых воспоминаний.

Много времён года сменилось с тех пор. Но сейчас, как и в детстве, я наслаждаюсь весенним цветением, открытыми просторами, где можно дышать полной грудью и верить в счастливое и безопасное будущее.

Я заехал в нашу школу. Всё стало пронзительно маленьким, даже расстояние от окна класса, из которого я выпрыгивал, до ограды бассейна, показалось немного короче. Помню, как ребёнком я бежал к нему вприпрыжку, и это расстояние казалось бесконечным. Я бежал из класса прямо в открытые объятия природы, ни у кого не спрашивая разрешения. Конечно, только если не попадался в крепкие руки завуча Бен-Шахара, который в перерывах между реализацией педагогических задач устраивал засады прогульщикам и довольно успешно нас ловил.

Сейчас я уже большой мальчик. Многому научился. Но чем больше я узнаю, тем больше понимаю, как мало я знаю. Когда я был маленьким, я глядел на жизнь снизу вверх, но казался себе большим.

А, может, всё это была просто иллюзия. Просто коротенький рассказ о том, как всё начиналось...

Женщины, женщины...

ГЛАВА 11. Древо познания

Близится День святого Валентина. Потом день рождения моей любимой. И сразу за ним – Международный женский день. В этот день я пошлю ей сто одну розу – сто алых и одну белую, чтобы она знала, что она одна единственная и особенная. И в преддверии этих событий мне хочется излить то, что на сердце.

Вечер. За окнами гул самолета, железной птицы, пролетающей над моей страной. Я всегда задавался вопросом, как такая махина может лететь по воздуху и спокойно приземляться, неся на себе столько груза.

Значит, в детстве мы не ошибались, когда думали, что можно летать на облаках? Что, глядя на мир с высоты птичьего полёта, можно выжать облако и полить мир дождём? И по вечерам ловить сверкающие звёзды? А потом вскарабкаться на облака ещё выше и запрыгнуть на луну? Там нет ни войн, ни наций, ни религий. В небе нет «эго» и нет собственности. Ведь воздух не удержишь. Сожми кулак – и он ускользнет. Разожми пальцы – он вернётся.

Войны за землю и власть, зависть, жажда наживы и соперничество – всё это удел земных людей и животных. Борются

все. Начиная с человека, возглавляющего пищевую цепочку, и заканчивая крохотным морским планктоном, ее замыкающим.

Сильный убивает слабого, а потом умирает сам. И крохотные бактерии поглощают того, кто эту пищевую цепочку возглавлял. («Потому что из праха ты вышел и в прах вернёшься»).

По этим законам природа живёт уже миллионы лет, со дня сотворения мира. Если бы человека на Земле не существовало, мы сидели бы себе на облаках, наблюдали, как природа завладевает планетой, и не вмешивались. А может быть, мир остался бы цветущим раем и за миллионы лет не изменился бы ни капли.

Но по образу Своему и подобию Бог создал нас. По книге Берешит, Бог напустил сон на Адама, а во сне взял у него ребро и сделал из него женщину, чтобы была ему в помощь. «Ибо негоже человеку быть одному, сотворим ему помощника».

Мало этого, так ещё и всю вину за изгнание из рая и утрату бессмертия, возложили на женщину и на змея! Что уж говорить о потерянном праве ходить нагишом, ни на кого не обращая внимания, заниматься сексом с кем захочется и когда захочется, без необходимости каждый раз срывать с себя фирменные шмотки!

А она, Ева, мать всего живого, защищаясь и оправдываясь, растерялась и свалила всю вину на бедного змея, кото-

рый просто проползал рядом и никого не трогал. Указала на него и сказала: «Вот самое коварное существо на свете. Он злой и хитрый! Это он меня подбил!».

А как защищаться змею? Глухой, немой, даже рук нет, чтобы жестами показать: «Это не я!». И только тихо шипит на Еву, словно говорит ей: «Тсс! Тихо! Не надо так!»

Так половина вины перешла на змея. И с тех пор человек и змея недолюбливают друг друга. Человек наступает змее на голову, а змея кусает человека за пятку.

Хотя, справедливости ради, отметим, что с развитием науки мы выяснили, что змея и её яд обладают лечебными свойствами. Она отлично уничтожает вредных насекомых и приносит человеку немало пользы.

Да и древо познания тоже не так уж плохо. Если бы не оно, мы не отличались бы от животных, а собирали бы фрукты с деревьев и бродили голыми ещё миллионы лет. И, естественно, на самолётах мы не летали бы.

Знания отличают нас от животных. Они лишь пользуются тем, что сотворил Господь. А мы соперничаем с Ним своими творениями.

Поэтому когда, достроив храм, Господь спросил царя Соломона, мудрейшего среди людей, чего бы он пожелал, царь Соломон не просил ни золота, ни серебра, ни лошадей, ни дворцов и даже ни женщин. Он попросил только самое главное – знаний и умения отличать добро от зла.

Несмотря на широко бытующее мнение, число мальчиков,

рождающихся в Израиле и большинстве стран, где женятся рано, намного выше числа девочек. Но с возрастом соотношение корректируется – мужчин становится меньше, и они начинают уступать женщинам в численности.

Со дня провозглашения государства Израиля и до сегодняшнего дня, у нас и в развитых странах мира ведётся бескровная война за положение женщины в обществе и на рынке труда.

Меня восхищают методы женщин и организаций, борющихся за их права. Они так многого добились методом бескровной борьбы, мирными речами, не причиняя никому вреда.

И продолжают добиваться своего, последовательно и организовано, никому не вредя, по-женски деликатно. Женщины ценят человеческую жизнь. Они открыты, отважны, умеют терпеть и сдерживать себя, а организации их – неподкупны.

Тора оставляет женщинам кое-какие права. В ней есть нескрываемое восхищение женскими поступками. В Танахе не раз подчёркивается, что женщина не поддалась греху золотого тельца.

Но всё же: «Умный сын – радость отца, глупый сын – горе матери». И всё же в синагоге женщины сидят только на женской половине. Даже если женщина – премьер-министр, на мужскую половину ей нельзя.

Вся власть по-прежнему в мужских руках. И мужчины до

сих пор чувствуют, что женщины – их собственность, и сходят с ума от ревности.

При этом изменяют мужчины намного больше, чем женщины. Как такое возможно?

Для танго нужны двое. И цифры не врут. Так где же недостающее слагаемое? Баланс будет восстановлен, если мы вспомним о женщинах самой древней профессии.

В бешеной свистопляске, высунув язык, женщина носит с утра до вечера – детский сад, школа, кружки, карьера, хозяйство... И к вечеру она уже валится с ног. А муж шлет ей фотографии прекрасных пейзажей и зеленых холмов. Но если вы копнете глубже, то обнаружите, что он совсем не на тех холмах, что на фото. Томимый страстью, он возлежит на аппетитных холмах женской груди. Вот оно, неизвестное в этом уравнении. «Вода краденая сладка, и утаённый хлеб приятен», или «Запретный плод сладок»...

Но не все мужчины грешны и не все женщины безгрешны.

Женщины любят глазами, а мужчины – ушами.

Женщина скорее предпочтет обаятельного, умного мужчину с чувством юмора, чем беспрекословного соглашателя, который будет восприниматься ею как человек бесхарактерный и слабый. И пройдет немного времени прежде, чем она захлопнет за ним дверь.

Любую женщину порадует букет цветов, мужчина, который платит за нее в ресторане и открывает перед ней двери. И главное, чтобы не воспринимал ее как должное.

Мужчины лелеют свое эго. Если мужчина хочет заняться любовью со своей женщиной, а она его отвергает, он найдет тысячу причин в ней, но не в себе. А отвергнутая женщина, напротив, обидится, и будет винить себя и искать причину в себе.

Если женщина обнаружит измену, далеко не всегда это означает конец отношений. Для нее главное, чтобы в измене не были замешаны чувства. А вот мужское «эго» не сможет смириться с фактом измены. Поэтому, чаще всего, после женской измены отношения распадаются. Зато каждая новая женщина, согласившаяся с ним переспать – повод для гордости. Особенно когда хвастаешься друзьям.

Но не все женщины и мужчины одинаковы. Люди все-таки разные, разные культуры и разные темпераменты.

Мудрецы говорили: «Мысли женщины легки». Это не означает, что женщина менее умна. Она более духовна и больше тяготеет к корням. Она крепко стоит на земле, а дух легок и стремится ввысь. Поэтому на духовной лестнице она ближе к Богу, и число ее религиозных обязанностей вдвое меньше, чем те, что выполняет мужчина, чтобы сравняться с женщиной на духовной лестнице.

«Благословен Ты, что не сделал меня женщиной» – это для того, чтобы мужчина знал, понимал и ценил, как тяжела жизнь женщины. Мужчина затем произносит это благословение и благодарит за то, что родился мужчиной, чтобы не забывал помогать женщине, поддерживать и быть рядом.

С первых дней человечества и до наших дней, несмотря на развитие науки и знаний почти во всем мире, сохранились места, где положение женщины не изменилось и даже ухудшилось. Царь Соломон когда-то сказал: «Сильную женщину найти непросто». А все потому, что есть те, кого устраивает такое положение дел, даже если Господь хотел совсем другого. И, может, поэтому мы изгнаны из рая и потеряли его навсегда.

Так что, мужчины, ешьте свежие яблоки с радостью и без страха – в кожуре и без кожуры, в пирожках и шарлотке. Ведь когда они подаются с теплыми чувствами на подносе любви – что может быть приятнее?

Просидите на облаке хоть миллион лет, пристально всматриваясь в происходящее внизу, вы не найдете ни одной акулы или льва, что едят или ели яблоки с Дерева познания. Но все же и они изгнаны из рая. И они тоже умирают в свой срок, а не живут вечно.

А я скромно добавлю от себя, что вопрос положения женщин чрезвычайно важен. Но намного важнее – ее счастье. Ведь даже там, где женщина считается равной мужчине, существует неравенство. В нагрузке, в обязанностях и задачах. Да еще и «детей рождает в муках». Так где же счастье и потерянный рай?

Я хотел бы видеть больше счастливых женщин.

И, возможно, если мы перестанем бояться есть яблоки с Древа познания, мыслить шире и приобретать новые знания,

мы обнаружим, что Рай находится прямо здесь. И, возможно, поймем, что счастье женщины не менее важно, чем ее положение.

ГЛАВА 12. Приятных снов

Воскресенье, 18 февраля, 7 утра. Уже 20 часов я ничего не ел.

Со вчерашнего вечера во рту ни крошки. Я в больнице, в лаборатории сна.

Специалист в белом халате усадил меня на стул и прикрепил к голове, телу и ногам множество проводов. Провода ведут к датчикам и приборам, регистрирующим разные показатели: дыхание, шумы, уровень сонливости и количество кислорода в крови. И все это подключено к массивному аппарату, куда стекаются все данные.

Я спросил специалиста по сну, не подключил ли он меня случайно к электрическому стулу. И если так и есть, то пусть имеет в виду, что я голоден и имею право на последнюю трапезу перед казнью. А поскольку я невиновен, то мне полагается еще и десерт. И тут же представил, что его белый халат – халат шеф-повара. И он подает мне меню, а в нем значится: «Шашлык из антрекота "Конец пути" с черным перцем и крупной солью. Гарнир – жареный органический батат, припущенный в оливковом масле». Батат вручную выкопали из земли, и на его место потом закопают тебя. «Салат из черри, капусты и базилика в оливковом масле, и бокал сухого красного вина «Петит Сира». А на десерт – крем-брюле с невообразимым вкусом, покрытый слоем тонкой хрустящей

карамели.

И повар желает мне «Приятного аппетита!». И интересуется: «Ну как антрекот?». И я отвечаю: «Отвал башки!» И оба смеемся.

Но это фантазии. А реальность, как известно, превосходит все фантазии. «Вставайте», – говорит специалист, хотя я еще не доел стейк и не добрался еще до «Конца пути», а десерт еще даже не готов.

Я возвращаюсь в реальность, встаю, еще более голодный, подключенный к аппаратам бесчисленными проводами. Бросив взгляд в зеркало, я понимаю, что похож на марионетку, созданную безумным профессором.

Данные собираются в состоянии глубокого сна.

Я привык засыпать один на широкой двуспальной кровати с ортопедическим матрасом и мягкими подушками после часа ночи. Я люблю широко распластаться. Я долго кручусь, пока не найду идеальную позу, и только тогда засыпаю.

А здесь, в лаборатории, хотят, чтобы я заснул в 11 вечера на узеньком матрасе, жестком, как доска; на твердых, как камень, подушках; с сотней проводов, тянущихся к датчикам, подключенным к тяжелой видеокамере.

К тому же на пустой желудок, когда лежишь как мумия и боишься шевельнуться, потому что можешь нечаянно задеть какой-нибудь провод, и тогда придется возвращаться на казнь еще раз и опять грезить об антрекоте.

Выходя из комнаты, специалист по сну наказал мне спать,

и с доброй улыбкой пожелав «волшебных снов», выключил свет.

И вот я лежу, закрыв глаза, и пытаюсь заснуть. Не шевелюсь, дышу с опаской, чтобы не дай Бог, не выдернуть какой-нибудь провод, ничем не зашуршать, и Боже упаси, не помешать сладкому сну датчиков. Пытаюсь заснуть, и не могу. Считаю овец, коз, коров, кур, гусей, уток и лошадей, пока не закончатся все животные на ферме дяди Моше и пока в детских садах не зазвучит: «У дяди Моше была ферма. Иа-Иа-О. Здесь му-му, там му-му, и весь день му-му, му-му». У дяди Адонирама Моше тоже была ферма, и на ней не осталось никого.

Пока я ищу, кого бы еще посчитать на ферме, мочевой пузырь начинает давить, зудеть и мешать. Не имея возможности сходить в туалет и пытаюсь зажаться, чтобы не пукнуть, я все-таки не выдерживаю и делаю это. Мощно и громогласно. Даже датчики задрожали.

Я так и не уснул до утра, и сомнологу оставалось только установить мощность моего выстрела по шкале Рихтера. Лежа в лаборатории и периодически попукивая, я вспомнил брата Гади, бывшего офицера в подразделении по борьбе с террором. К нему так и липнут истории про дерьмо. И есть у него давняя традиция – каждый раз, как он гостит у брата или друга, едва успев поздороваться с гостями, он мчится к унитазу – поприветствовать его, как старого друга, обняться и расслабиться. И только потом выходит, спокойный и уми-

ротворенный, здороваться с гостями.

Однажды к нам зашел сосед Шломо, друг нашей семьи. Он обожал карате и кунг-фу, восхищался Брюсом Ли, Денисом Ганновером (израильский борец), но особенно преклонялся перед японским борцом Масутацу Оямой, чемпионом мира по карате. Ояма имел красный пояс и месил каждого, кто осмеливался выйти против него. Пока не осталось никого, кто мог ему противостоять. И за неимением выбора он стал бороться с огромными быками. Но и у быков не было шансов против него.

В тот день, как обычно, Шломо пришел с книгой о Масутацу, которую повсюду таскал с собой. Он показал нам фотографии, где Ояма борется с огромным быком и убивает, отправив его в сальто и положив на лопатки. А победив быка, он делает из него стейк.

Гади прибежал домой, выхватил книгу из рук Шломо и побежал в туалет читать и любоваться фотографиями, попутно избавляясь от поглощенных вчера яств.

В те дни деньги у нас были не всегда, и порой не на что было купить туалетную бумагу. Закончив, Гади огляделся вокруг, и не нашел бумаги, чтобы подтереться. Осмотрелся еще раз – ничего. И вдруг его взгляд упал на Масутацу. Масутацу вызывающе смотрел на него и словно дразнил, приглашая сразиться с ним прямо сейчас, лицом к лицу.

Недолго думая, Гади принял вызов. Правда, принял по-своему. Он вырвал из книги пачку листов вместе со сним-

ками Масутацу, и вместо борьбы лицом к лицу предоставил чемпиону мира возможность попробовать себя в борьбе лицом к заднице. Закончив, он победоносно отшвырнул книгу в угол. Ну что, Масутацу, как тебе бой? И как возможно, что с твоим-то опытом, последний бой ты проиграл?

Семь утра. С меня сняли все провода и приборы. Я заполнил опросник, подписал пару бланков, вышел из больницы и побежал на работу. Длинный был день, и только поздно вечером я вернулся домой, сбегал в душ, перекусил и вышел на балкон. Было прохладно. Я выкурил сигарету и пропустил две рюмочки виски. Очень устал. Хотелось расслабиться. В голове кружились мысли о моей жизни, а сама голова кружилась от бессонной ночи, тяжелого дня и выпитого виски. Почему-то вспомнились слова: «Если не я себе, то кто мне?». Я задумался – а что имелось в виду?

Всю жизнь я понимал эту фразу буквально: «Если сам себе не поможешь, то никто не поможет». Как сказала мне Олеся при последней встрече: «Помоги себе сам».

Всю жизнь я любил помогать другим. И до сих пор делаю это с удовольствием в меру своих сил и возможностей. С радостью и любовью, частенько – в ущерб себе. С тех пор, как я начал писать книгу, я стал копать в себе, углубляясь в свои воспоминания и пытаюсь понять себя.

Я вернулся в прошлое и перелопатил его. Там, среди страниц моей памяти, я увидел, что в какой-то момент, отдавая другим, я потерял себя, ушел со своего пути и заблудился

в собственной жизни. Я утратил связь с собственным «Я», предал и отвернулся от него.

Тем не менее, мое «Я» меня не подводило. Оно преданно стояло на страже и не покинуло меня ни на минуту. Десятки лет оно оставалось со мной и не бросало даже в самые трудные минуты. Терпеливо ждало, когда я его замечу. Оно знало, что когда-нибудь я вспомню о нем и приму.

Теперь я ценю его, смотрю прямо в глаза, держу за руку, не бросаю и даже начинаю любить. Я больше никогда его не брошу и не подведу. Никто не отнимет его у меня, как никто не отнимет меня у него.

Сегодня эта цитата приобрела для меня новый смысл. «Если нет меня у меня, то кто есть у меня?». Зная тонкости иврита, понимаешь, что оба значения возможны. Я выбираю второе. Смысл в том, что ни за что нельзя ставить чужие интересы превыше своих.

Свое «Я» надо лелеять и никогда не забывать о нем. Осознавать его постоянно. Пусть смотрит моими глазами, думает вместе со мной, ласкает моими руками, говорит моими устами, живет у меня в сердце, течет в моей крови, шагает со мной в унисон по выбранной нами тропе и будет частью меня, как самый ценный орган моего тела. Мы – одно целое. У нас одна душа и одно тело на двоих.

Оно должно нравиться мне, а для меня важнее нравиться ему, чем другим. И важнее исполнять его желания, чем желания окружающих.

Я лег в свою мягкую широкую постель, блаженно закрыл глаза и пожелал нам обоим – себе и своему «Я» – сладких снов.

ГЛАВА 13. Тишина

Как-то мой деловой партнер Мурад рассказал историю из «1001 ночи». Вот она:

Жил-был король, которому каждый день приводили самых красивых девственниц королевства. Каждый день – новую.

Сделав свои дела, он приказывал казнить ее, а назавтра к нему уже вели следующую.

Каждый день гонцы отправлялись на поиски и рыскали по всей стране, пока не находили очередную прекрасную девственницу.

Однажды к королю привели девушку, которая оказалась не только красива, но и умна. Она умела рассказывать сказки. Умная девушка, зная о судьбе своих предшественниц, начинала рассказывать увлекательную историю. Но, дойдя до самого захватывающего момента, замолкала и просила позволить ей отдохнуть до завтра, но обещала завтра ночью непременно продолжить рассказ.

Заинтригованному королю, обожавшему увлекательные истории, не терпелось услышать продолжение и узнать, что же будет в финале. Едва проснувшись, утром он спешил к ней и не уходил до следующей ночи.

История за историей, и король привязался к девушке и ее рассказам. И, очарованный ее умом, в конце концов полю-

бил ее. Они поженились и стали королем и королевой в сказочном королевстве.

13 февраля 2018 я еду в аэропорт на рейс в Санкт-Петербург. Мы с моим компаньоном Мурадом и другом Дани летим на съезд, посвященный виртуальным деньгам, в гостинице «Парк», в Санкт-Петербург, в Россию – самую большую страну мира. Ее площадь 17 миллионов квадратных километров. Для сравнения – площадь Израиля примерно в 850 раз меньше. В ней 9 часовых поясов. Она простирается примерно на 8000 километров с запада на восток. И расположена она сразу на двух материках – Европа и Азия. Меньшая часть – европейская, большая – азиатская, и начинается она за Уралом.

Россия граничит с 14 странами. Численность населения – около 150 миллионов, но сокращается с каждым годом. Причина – низкая рождаемость и высокая смертность мужчин, еще не достигших старости.

После распада СССР в 1991 году Россия опять стала отдельным государством и называется «Российская Федерация». Она поделена на 46 областей и административных объектов. Есть несколько автономий и три города федерального значения: Москва, Санкт-Петербург, и после истории с присоединением Крымского полуострова в 2014 году – Севастополь. В 2014 году я с несколькими партнерами открыл там небольшую компанию стройматериалов. И возможно, сейчас, когда достроен мост в Крым, компания начнет разви-

ваться и процветать.

Столица России – Москва. Она была столицей с XI по XVIII век, но в 1712 году уступила этот статус Петербургу. В 1918 году, после прихода к власти большевиков, статус столицы вернулся к Москве. В ней находится правительство и президент Владимир Путин, занимающий свой пост с небольшим перерывом с 2000 года. Большая часть населения России – славянские народы, берущие своё начало в Скандинавии, произошедшие от племени викингов под названием «росы». «Росы» жили в Восточной Европе на территории, сегодня по большей части принадлежащей Украине. Их первого царя звали Рюрик, а первое название государства – Киевская Русь.

Основная религия – ортодоксальное православие, принятое в 10-м веке нашей эры при князе Владимире, под влиянием византийцев. После падения Византийской империи в XV веке Россия видит себя её наследницей.

Киевская Русь не сохранила своей целостности. Из-за многочисленных войн различных княжеств она ослабла и распалась, а потом была завоёвана татаро-монголами, правившими с XIII по XIV век. А в одном из небольших регионов татаро-монголы сохранили своё господство вплоть до XV века.

Воюя с татаро-монголами, Москва окрепла, и после победы в Куликовской битве в 1380 году возшла её звезда. Город рос и набирал силу до окончательного изгнания татаро-мон-

гол в конце XV века после великого стояния на реке Угре.

В последующие 200 лет Москва продолжала разрастаться и укрепляться. Особенно с приходом к власти Ивана Грозного. Это последний князь из племени росов. Он правил в XVI веке и сам себя провозгласил первым русским царём. Этот титул – аналог римскому Цезарю. Грозный значительно расширил территорию страны, превратив её в Царскую Россию. С одной стороны, он был продвинутым правителем, и есть те, кто считает Ивана Грозного прогрессивным реформатором. Но большинство склоняются к тому, что он был кровавым тираном, т. к. его правление отличалось особой жестокостью.

Россия – огромное государство, требующее сильной централизованной власти. Народ это понимает и считается с этим.

Несмотря на множественные завоевания, Россия отставала от Европы во многих областях. И долгое время считалась отсталой, вплоть до прихода к власти Петра I из династии Романовых, одного из величайших правителей в истории. Его правление, начавшееся в конце XVII века и продолжившееся в XVIII, вывело страну на новый уровень, изменило её облик и превратило в одну из развитых стран Европы.

Основы этого были заложены великим Петром I в великом городе Санкт-Петербурге.

И вот я, между небом и землей, лечу в этот город и пишу вам эти строки. Высоко в небе, где до Бога рукой подать,

я лечу к женщине, которую люблю. Мы с ней были в этом городе дважды, и город меня очаровал.

Моя возлюбленная – удивительная женщина. Несмотря ни на что, я остался верен себе и ни разу не предал своей любви к ней, которая звучала в унисон с великолепным, огромным Санкт-Петербургом, таким светлым и романтичным.

Вечером мы приехали в большую гостиницу. На улице – минус 1, относительно не холодно для этого времени года, когда температуры могут достигать минус 30 градусов. В этом городе очень мало солнечных дней и высокая влажность из-за близости к Балтийскому морю. Город открыт всем ветрам, поэтому почти весь год здесь довольно прохладно.

Расстояние от гостиницы до центра города – около 16 км. Нам показалось, что от лифта до нашего номера на шестом расстоянии примерно такое же. Добираясь до него, нам пришлось пройти семь коридоров, которые показались нам семью кругами ада.

Площадь Санкт-Петербурга около 1500 квадратных километров. Это примерно в 30 раз больше Тель-Авива и в 15 раз больше Парижа. В этом прекрасном городе сегодня живут более 5 000 000 жителей, и он считается вторым по величине городом в России.

Заложил город царь Петр I на территории, завоеванной у шведов. Он стал вратами в Европу и выходом к Балтийскому

мюрю и был назван именем св. Петра.

Архитектура в городе европейская. Его отличает обилие великолепных зданий в стиле барокко, скульптур, садов, витых оград. Город утопает в зеленых парках, водоемах и золоте. А среди этого великолепия протекает широкая река Нева.

Город выстроен на обоих берегах Невы, соединенных между собой множеством мостов. По ночам они разводятся, пропуская идущие по реке суда. Как и все здания центра, мосты по ночам подсвечиваются белыми, золотистыми и голубыми огнями. И все вместе сливается в единую симфонию и создает прекрасную романтическую атмосферу.

С начала XVIII века город строился идеально правильно по аналогии с европейскими городами тех лет и по капризам Петра Первого, который издал закон, запрещающий строительство из камня на территории всей России. И все каменоломни занимались только поставкой камня для любимого города. Последующие 200 лет столицей России был Санкт-Петербург.

У этого города богатейшая культура – театры, балет, опера. Здесь множество великолепных музеев. Например, знаменитый Эрмитаж, Русский музей, Адмиралтейство и другие. Это музеи с огромными коллекциями оправленных в золото картин, принадлежащих кисти известнейших художников мира.

Каждое лето здесь наступает пора белых ночей, когда на улице светло, как днем. Объясняется это тем, что солнце

опускается чуть ниже горизонта и сразу поднимается опять – приходит рассвет нового дня. И темнота так и не наступает.

В эти дни в центре города проходит множество фестивалей и концертов. Все это притягивает в центр жителей города и туристов. И они гуляют и веселятся до окончания очередной светлой ночи, сменяющейся светлым рассветом.

Славится Санкт-Петербург и своими спортивными достижениями – блестящими успехами в футболе, атлетике, хоккее, фигурном катании и других видах спорта.

Мудрецы говорили: «Хороший дом, хорошие инструменты и хорошая женщина обогащают сознание». Все это в России есть в изобилии. Но несмотря на развитость во многих областях, россияне-славяне не слишком терпимы к смуглым людям. И нас – наполовину черных, наполовину белых людей, они называют «черножопыми».

Хочу упомянуть великих поэтов и писателей, живших в этом городе – Толстого («Война и мир»), Достоевского («Преступление и наказание») и Пушкина – величайшего поэта всех времен.

Пушкин заложил основы современной поэзии и внёс неопределимый вклад в развитие русского языка. Он был потомком эфиопского принца, взятого в рабство и преподнесённого в подарок царю. Большинство русских стараются игнорировать этот факт или вообще о нём не знают.

Скажу честно, я немного выучил русский. Правда, на базовом уровне, но достаточном, чтобы поддержать разговор с

культурным человеком.

Но поскольку я за равенство полов – полностью игнорирую род слов – и с падежами тоже не дружу, и, находясь в будущем, вдруг падаю в прошлое, а потом обратно, то культурному русскому человеку надоедает меня поправлять, и он начинает задаваться вопросом: может, с ним что-то не так? Мужчина он или женщина? Может, грудь выросла? А у нее – что-нибудь между ног? А сегодня – это вчера или завтра? Или 100 лет назад? А может он и вовсе попал в прошлое, и сейчас возлежит с Екатериной II, которая, как известно, славилась своей любвеобильностью? И наконец, мой культурный собеседник, успевший уже окосеть от моего красноречия, спрашивает на правильном русском: не забыл ли я добавить базилик в вермишель, что у него в голове. Ибо за три с половиной предложения я превратил грамматику в пресную вермишель. У него голова идет кругом. Вермишель в мозгу отдаёт прошлым, настоящим и будущим одновременно. И видя мои порывы продолжить беседу, ему хочется засунуть два пальца в розетку.

Беседа прерывается, и в комнате разливается тишина. Оглушительная тишина.

Я второй день в Санкт-Петербурге. 14 февраля 2018 года. День Святого Валентина. Солнечное морозное утро, за окном -10.

Сегодня начинается конгресс. Солнце улыбается мне и изо всех сил противится, чтобы я присоединился к Дани и

Мураду. Мурад смотрит в окно и, как и я, принимает солнечный протест.

И тихонько-тихонько мы приняли душ, оделись и сбежали от Дани к солнцу, готовому с любовью принять нас в свои объятия. И к чертям этот конгресс!

Мы сразу поймали такси и помчались в Эрмитаж, величайший в России и важнейший в мире музей, насчитывающий миллионы знаменитых произведений. Здание музея было выстроено Екатериной II, российской императрицей, в стиле барокко на берегу реки Невы.

Раньше это здание было зимним дворцом русских царей. Мы бродили по музею, переходя из зала в зал, и упивались искусством и обилием золота. Говорили настолько тихо, насколько израильтяне способны говорить тихо.

Отдавшись воображению, я представил на миг, что я Пётр Великий собственной персоной, энергично шагающий по залам дворца и отдающий распоряжения слугам. А они семечат за мной, ловя каждое слово, стараясь поспевать за моим широким шагом, и гонцы тотчас же бегут выполнять мои указания. Хотя мой рост уступает росту Петра Великого раза в два, и если бы я действительно был им, меня называли бы Петр Невеликий.

В одном из залов я даже столкнулся с прадедушкой Пушкина, чернокожим принцем, благородным и роскошно одетым. Но выглядел он каким-то грустным и неприкаянным. Он заприметил меня, потому что я смуглый и потому что

еврей, и позвал в свои покои – пропустить по маленькой рюмочке водки – согреться и составить ему компанию. Он подошел и спросил тихо-тихо, так, что я едва расслышал, существует ли до сих пор его царство и есть ли ему куда вернуться.

Я рассказал, что я из будущего. Рассказал, какое будущее ждёт его правнука Пушкина. Но, учитывая положение Эфиопии сегодня, лучше ему остаться в своем времени и потерпеть ради будущих поколений, и что жертва его не будет напрасной. И словно ветер наполнил паруса, он заулыбался и пожал мне руку, полный сил, энергии и вдохновения. Сердечно благословил меня и пожелал счастливой дороги и светлого будущего.

Я вышел из воображаемых покоев, и мной завладела реальность. Я всегда нахожусь либо во власти воображения, либо во власти реальности. И только когда они теряют бдительность – они в моей власти. Но ненадолго.

Вечером мы вернулись в гостиницу. Я немного отдохнул, взял такси и поехал к Тане, подруге Олеси, которая живет в 20 км от гостиницы. Хотя со вчерашнего дня снег не шёл, улицы были им завалены. По краям дорожки снег замерзал и превращался в лёд. За несколько дней его напало много, и по обочинам он громоздился полутораметровыми сугробами.

Такси стремительно неслось по открытому шоссе. Фонарные столбы и вывески набегали на нас и скользили мимо.

Только что виднелись вдалеке – и вот они уже рядом. И сразу уносятся вдаль, словно убегают от нас. По дороге к Тане я размышлял об этом городе, поднявшем себя из руин. О человеческой любви к этому городу-герою, о верности и немыслимой отваге.

Когда-то Гитлер решил стереть его с лица земли. И целых 900 дней город был осаждён мощнейшей немецкой армией.

На протяжении 900 дней ежедневный рацион людей составлял 125 грамм хлеба. Только подумайте, грязная горсточка чёрного хлеба – это весь дневной рацион! И так – 900 дней. Работающим взрослым полагалось две горсточки – 250 г.

Но как, какими силами, какими ресурсами, какой волей к жизни надо было обладать, чтобы выжить в этом замерзшем голодном городе? Люди умирали прямо на улицах, вмерзали в лёд, не дойдя несколько метров до дома. Но город выжил. И превратился, по моему мнению и по мнению многих других, в один из самых красивейших городов на Земле.

Санкт-Петербург, тогда ещё Ленинград, первый город в России, получивший звание «города-героя». И это звание он заслужил всецело и полностью.

Ленинград выжил в блокаду. В дни блокады из города был только один выход – через Ладожское озеро. И только зимой, когда озеро замерзало. В этот период удавалось доставить в город кое-какую провизию и самое необходимое. Этот выход называли Дорогой Жизни.

Доставка на грузовиках по льду требовала немыслимой отваги. Лишь один из трёх грузовиков добирался до места, остальные уходили под лёд или попадали под обстрелы. Грузовики везли по Дороге Жизни продукты, лекарства, одежду, оружие для трёх миллионов жителей, защищавших свой город, изнемогая от голода, холода и непрерывных обстрелов.

Город обстреливался с воздуха и с земли – лёгкой и тяжёлой артиллерией, танками и самолётами, заключившими город в плотное кольцо блокады.

Защитники города не щадили себя. Для них было важно только одно – сберечь свой прекрасный, любимый город. Блокада унесла почти 900 000 жизней. За всю историю ни один осажденный город не знал таких жертв. Жители Ленинграда мужественно противостояли Гитлеру, который был намерен разрушить город до основания, без компромиссов.

Да, у Гитлера была мощная армия, вооруженная по последнему слову техники. Но с силой духа и стойкостью людей он ничего поделать не мог. И нечего ему было противопоставить героизму, которого не измерить и не объять ни словами, ни чувствами. Добро в очередной раз победило зло. Оно всегда побеждает.

После войны уцелевшие собрались с силами и возродили из пепла разрушенный город. У них не было ничего, кроме силы духа, чертежей и фотографий, по которым и воссоздавался город. Город, которым мы восторгаемся по сей день, возродился во всем своем великолепии благодаря стойкости

и упорству людей.

Мне повезло знать нескольких людей, которые пережили блокаду и репатриировались в Израиль. Они до сих пор живы и иногда заходят ко мне в офис здесь, в Израиле. И на свободном иврите рассказывают мне о той проклятой войне.

Человек и город сплетаются в гигантский организм. Они поддерживают и питают друг друга. Город – это тело. Человек – душа, чувства и инстинкты. А улицы, по которым текут потоки машин – как сосуды, по которым течет живительная кровь.

Через 20 минут я приехал к Тане. Водитель был твердо намерен ждать меня и час, и два, и сколько угодно. Я пытался его отговорить, но мои доводы он решительно отверг: «Буду ждать, и точка!».

Таня, как обычно, приняла меня тепло и сердечно. Я был рад видеть человека, который знает Олесю лучше, чем я, и любит ее по меньшей мере так же, как я.

Мы съели изумительный ужин, который она приготовила, и пропустили по рюмочке. В начале ужина с нами сел ее сын Даниэль, умный мальчик с робкой улыбкой. Но позднее он ушел, предоставив нам возможность пообщаться.

Мы говорили о жизни, о ее супруге Александре, который умер ровно год назад в мой день рождения. Большой человек и большая личность. Человек достойный и порядочный, прочно занявший уголок в моем сердце.

Время летело стремительно. Мы и не заметили, как про-

шло полтора часа. Позвонил водитель, и мы попросили его подождать еще полтора часа. Пропустили еще по рюмочке и попрощались поцелуями и объятьями, на которые способны только истинные друзья.

В такси по дороге в отель мое воображение перенеслось в Москву, где я впервые гостил у Олеси и ее очаровательной дочери Марии в июле 2014. Я провел там три волшебных дня. Мы занимались любовью при любой возможности, и нам было хорошо вместе. Насколько счастлив я был встретиться с ней во второй раз, настолько тяжело мне было с ней расставаться.

Сегодня, в день святого Валентина, при помощи своего работника, по телефону, я заказал цветы для своей любимой в Москву.

Олеся нереально красива и невероятно женственна. Когда она любит, в ней есть нечто, чего не было ни в одной моей женщине – преданность и самоотдача, на которые способна только такая женщина, как она. В минуты любви временами я чувствовал, как Бог снисходит на нас и соединяет незримой нитью в одно целое. Словно взял нашу кровь, перемешал и влил обратно в наши вены.

Я сделал для нее все возможное и невозможное. Мной руководила безграничная любовь и всепоглощающая потребность дарить, не ожидая и не требуя ничего взамен. Я хотел, чтобы она оставалась свободной дарить любовь по своему желанию, а не повинуюсь гнету обстоятельств.

Мы расстались спустя три с половиной года, и я уходил от нее с миром в душе, зная, что, возможно, больше мы не встретимся.

На сердце было спокойно. Я знал, что сейчас у нее есть все, что нужно для самостоятельной жизни, полной свободы и уверенности, и ей не нужны ничьи милости. В том числе мои.

Это и называется любовью.

В России говорят: «Москва, Санкт-Петербург и все остальное».

Москва – самый большой город в России и во всей Европе. 2500 км. В пятьдесят раз больше Тель-Авива. Если считать иногородних жителей, то численность его населения составит более 16 миллионов человек. Гигантский монстр.

Центр города прекрасен. Красная площадь, храм Василия Блаженного с расписными луковицами, алые стены Кремля и сказочные башни. Река Москва, рассекающая надвое весь город, придает ей величественный вид. Величие и роскошь средневековья.

Город очень зеленый. Гигантские деревья и парки – зеленые легкие города, фильтрующие воздух, отделяют один район от другого. За пределами центра город поделен на районы, каждый из которых мог бы легко вместить любой израильский город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.